

Δ. Μυητής/ΚΒ

Η ΕΡΕΥΝΑ

12+

Дмитрий Миненков

Новый день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65364091

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96511-9

Аннотация

Никогда не знаешь, что принесёт новый день – радость новых открытий или печаль неожиданных утрат. Особенно, если восход ты встречаешь в совершенно разных местах и эпохах мира, который лишь отчасти походит на привычный тебе.

Окупись в разнообразии захватывающих событий вместе с героями рассказов и встреть такой мнимо-знакомый, но на деле такой непохожий на прошлые новый день.

Содержание

Кто рисует облака	6
Рождение	6
Первые шаги	7
Новый мир	10
Неожиданный ответ	11
Творение Ишу	12
Разные пути	14
На краю бездны	16
Встреча	20
Лучший вид на облака	22
Воссоединение	24
Трудное решение	26
Переговоры	29
Сделка	31
Пробы и ошибки	35
На службе у Тьмы	36
Тайный замысел	38
Последние штрихи	39
Человек	40
Вдали от всех	41
Проводник	43
Среди людей	47
Новые боги	51

Вождь	52
Исход	54
По ту сторону реки	56
Память Мира	65
Оставленные	74
Пролог	74
Росток	77
Первые побеги	83
Цветение	91
Листопад	94
Эпилог	101
Когда перестанут гореть фонари...	102
Куда же ты ушёл?	109
Некролог	119
Пролог	119
Интервью	121
Призвание	130
14.07	130
16.07	132
17.07	135
18.07	141
20.07	143
23.07	144
25.07 (утро)	146
25.07 (вечер)	150
26.07	151

27.07	152
28.07	153
29.07	154
31.07	155
3.08	156
4.08	157
8.08	158
9.08	158
Некролог	160
Эпилог	161
Новый день	164
Ни свет ни заря	164
Беспокойные сны	171
Странная встреча	177

Дмитрий Миненков

Новый день

Кто рисует облака

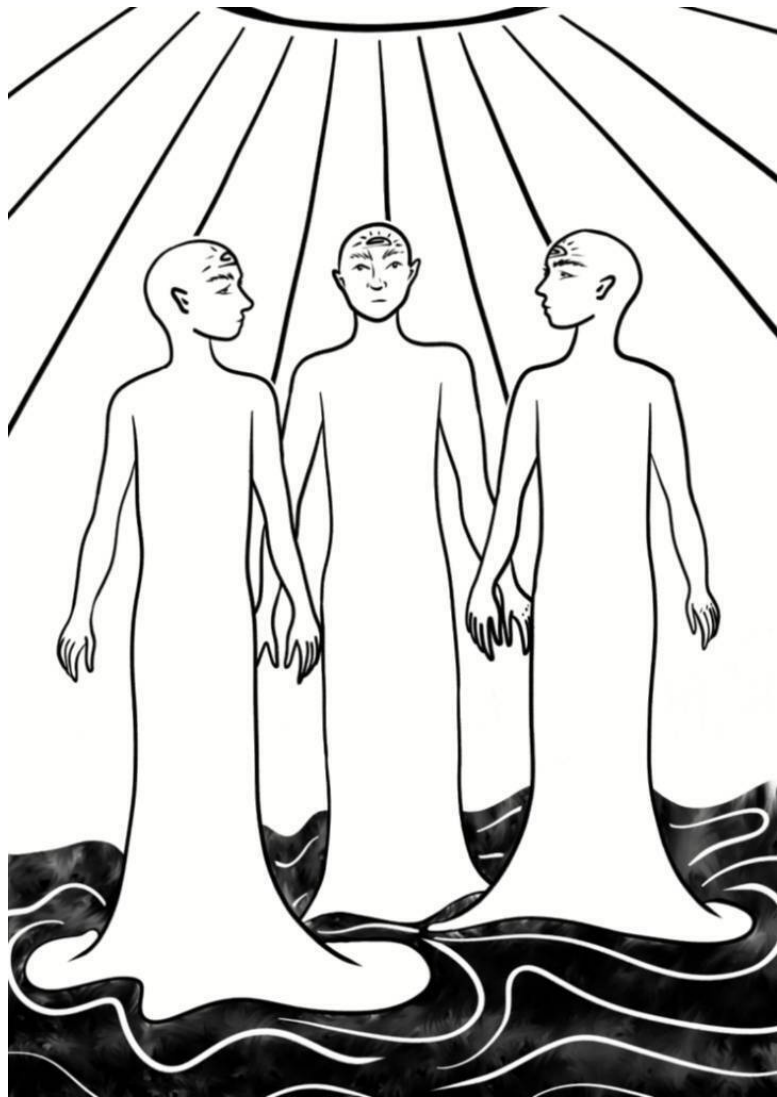
Рождение

В самом начале времён наш мир представлял собой не более чем огромный сгусток зыбкой Тьмы, окружённый люющимя отовсюду извечным сиянием Первородного Света. Тьма была нестабильна. Постоянное давление Света с трудом сдерживало Её, придавая форму гигантского эластичного шара. Однако в любой момент Она могла вырваться изпод контроля и заполнить собой всё пространство.

Свет нуждался в помощи, чтобы раз и навсегда обуздать Тьму, и потому решил воплотить частицу Себя в сыновьях. Так на липкую и холодную поверхность чёрного шара впервые ступили трое братьев: Тори, Ишу и Ру.

Первые шаги

Едва братья успели сделать несколько шагов по беспокойной глади Тьмы, как Она стала липнуть к их ногам, не давая двигаться дальше. Но оставаться на месте было нельзя: Тьма начинала набегать на стопы и принималась медленно утягивать сыновей Света в свои недра. Сколько ни старались братья, с каждым шагом они всё глубже увязали в непроходимой черной субстанции.

Тогда старший брат Тори склонился над непроницаемой поверхностью Тьмы и, с тревогой вглядываясь в неё, произнёс:

– Мы должны усмирить Тьму, иначе рано или поздно Свет уступит в борьбе и Она заполнит собой абсолютно всё.

Тори медленно погрузил левую кисть в вязкую чёрную зыбь и добавил:

– Понадобится крепкая оболочка, чтобы сдержать Её.

Он несколько раз то медленно, то рывком попытался освободить свою кисть из цепких холодных объятий. Но Тьма упорствовала и не желала выпускать попавшую к ней в лапы частицу воплощенного Света. С каждым движением Тори Она всё туже стягивала запястье, пытаясь еще сильнее утянуть его руку и поглотить как можно больше ненавистного Света.

– Но из чего мы сотворим эту оболочку? – поразмыслив, спросил младший брат Ру. – Ведь здесь нет ничего, кроме неосязаемого Света вокруг и сгустившейся Тьмы под нами.

– Наша плоть должна согнуться, – Тори глубоко вдохнул и изо всех сил дернул руку из плотно сжимавшей её жадной черноты.

Новый мир

Его кисть осталась в цепких лапах Тьмы, став первой жертвой Нового мира. Тори прижал изувеченную руку к груди, и золотисто-огненная кровь, мешаясь с прозрачной влагой нечаянных слёз, стекала на вскипавшую под его ногами Тьму. Воплощённый Свет оказался Ей неподвластен и, не в силах его поглотить, Она теперь пыталась исторгнуть его из своих недр, но тем самым лишь больше смешивалась с ним, порождая вначале тугую и упругую – подобно Ей самой – глину, а затем мягкую и рассыпчатую землю.

Кровь Тори, прожигая глину, закалила её нижние слои, обратив их в твёрдый камень, а слёзы его растеклись повсюду ручьями и подземными водами.

Так родилась эта земля, заточившая в себе Тьму. Однако Она не собиралась сдаваться так просто.

Неожиданный ответ

– Выходит, мы обуздали Тьму и Первородному Свету больше ничего не угрожает? – наивно спросил у братьев Ру. – Мы выполнили своё предназначение?

Внезапно раздался оглушительный грохот, и земля задрожала, уходя из-под ног. Повсюду стали появляться глубокие разломы, где-то громадные куски треснувшей каменной оболочки, набегаая друг на друга, вздымались на горизонте хребтами скалистых гор. Одна из вершин разверзлась потоками раскалённой магмы – смесью Тьмы, огненной крови Тори и расплавленных горных пород.

– Вот и ответ на твой вопрос, – прикрыв глаза, произнёс Тори. – Если так будет продолжаться и дальше, земля не выдержит, и разъярённая Тьма вырвется наружу. Тогда уже ничто не сможет Её удержать.

Нам нужно скорее что-то придумать.

Творение Ишу

– Можно попробовать это, – Ишу протянул братьям ветвистую конструкцию, сделанную из глины. – Я назвал это корень. Если с помощью Первородного Света вдохнуть в него жизнь и поместить в землю, он должен прорасти и стянуть трещины сетью крепких и гибких отростков.

Братья разделили между собой мягкотелый коричневатый корень и, подняв его части навстречу солнечным лучам, обратились к Отцу своему, чтобы Тот помог им и напитал творение Ишу своей неиссякаемой жизненной силой.

Солнце – неусыпное око Первородного Света, пристально наблюдавшее за успехами и неудачами братьев в борьбе с коварной Тьмой, вспыхнуло ослепительно-ярким сиянием, и податливые глиняные изделия окрепли и устремили сплетения своих гибких отростков прямо в землю.

Возблагодарив Отца, братья аккуратно посадили ожившие корни у широкого ручья и стали ждать, пока они оплетут собой всю землю.

Но скрытые в толще каменистого грунта от лучей Первородного Света корни слабели и переставали расти. Все вложенные в них жизненные силы вытягивала ненасытная Тьма, продолжавшая медленно просачиваться сквозь непрочный покров земли.

Тогда Ишу придумал новую хитрость. Он собрал ещё

больше глины и слепил из неё конструкцию, подобную корню, только на этот раз часть оживших сплетений тянулась не вниз – к земле, а, напротив, вверх – навстречу солнечному свету, в лучах которого они обретали приятный зеленоватый оттенок и могли постоянно питать разраставшиеся под землёй корни.

Воодушевленный успехом Ишу создал множество вариаций своих творений, которые прозвал растениями, и вскоре их великое многообразие распространилось по всей земле, навсегда преобразив серые ландшафты каменистых пустошей.

Разные пути

Но Тьма не унималась и по-прежнему рвалась наружу. Растения не могли удержать натиск новой волны чудовищных землетрясений, и громадные трещины продолжали раскалывать хрупкую поверхность земли.

Братьям было нечего противопоставить свирепствующим вокруг катаклизмам, и, осознав своё бессилие, они решили разойтись по земному шару в поисках того, что могло бы помочь им в этой неравной борьбе.

Ру отправился к далёким горным вершинам. Он шел навстречу лучам Первородного Света в надежде, что сможет в своем смиренном путешествии испросить мудрости у Отца.

Ишу остался в уцелевших после землетрясений речных долинах. Он искал ответы в работе над всё более и более искусными творениями. Практически неподвижные растения теперь мало интересовали Ишу, и, хотя он достиг высокого мастерства в их создании, всё чаще его увлекали творения пусть пока и менее совершенные, но, на его взгляд, лучше воплощавшие жизнь, которой так противилась и, возможно, отчасти боялась Тьма.

Он населял дельты рек несчётными видами рыб и другими водными тварями, наблюдая за их грациозными движениями в прозрачных быстрых водах. Освоение суши давалась ему не так просто, но именно заселяя её, Ишу создал

наиболее многообразных среди своих творений насекомых и хотя далеко не столь многочисленных, но на тот момент самых сложноустроенных зверей.

Он неустанно работал: ваял, вдыхал жизненные силы Первородного Света в свои творения, наблюдал за ними, а затем снова и снова изменял и совершенствовал созданные им формы жизни. Но, непрерывно трудясь в своей мастерской, Ишу не забывал и о подвижничестве братьев. Чтобы узнать, как идут их поиски, и поделиться своими успехами, он отправил по воздуху в след младшему брату несколько быстрокрылых птиц, а разыскать старшего брата доверил притким и чутким ящерицам.

Тори в то время скитался по границам огромных разломов, оставленных Тьмой, и вглядывался в пустоту их скалистых обрывов. Часто он бросал вниз мелкие камушки, подолгу прислушиваясь, как те глухим ударом приземляются на каменистое дно или коротким всплеском ударяются о воду. Тори не знал, как он сможет найти подсказку среди этих далёких звуков, но верил, что именно в бездонных глубинах таится единственно верное решение.

На краю бездны

Утомлённый бесплодными поисками, Тори присел на краю очередной пропасти, разделившей рваной раной каменное горное плато, и машинально кинул вниз небольшой подвернувшийся под руку камень.

Тишина. Ни малейшего отзвука не доносилось из глубин этой бездны.

Такое необычное явление взволновало Тори, и он поспешил бросить камень побольше, чтобы развеять наводнившие его сомнения. Из всех сил он прислушивался, склонившись на колени перед пропастью, но и на этот раз ответом ему была глухая тишина.

И вдруг Тори почувствовал, как странная прохлада, подымавшаяся из глубин пропасти, обволакивает его лицо и шею. Точно живая, она заползала под тёплую жёлто-оранжевую кожу и, скапливаясь в груди, обдавала холодом горячее сердце. Тёмная бездна манила Тори. Он лег на самый край обрыва и протянул руки навстречу уже не пугающей, а приятной и расслабляющей прохладе, навстречу завораживающей темноте, сгущавшейся в глубине, куда не могли проникнуть лучи Первородного Света.

«Значит, Отец не вездесущ и не всемогущ...» – неожиданно для себя подумал Тори. Но эта мысль, которая ужаснула бы его в любой другой момент, сейчас не показалась ему

предосудительной, а, наоборот, была чем-то само собой разумеющимся, логическим выводом из той необузданной черноты, что сейчас раскинулась перед ним. Казалось, можно было дотянуться рукой и прикоснуться, почувствовать, а может, даже и заполнить таящуюся в ней великую силу.

Тори склонился ещё ниже. Непроницаемая чернота, покоившаяся прежде на дне пропасти, словно ожила, она то пульсировала в такт дыханию Тори, то наподобие волн с шумом, походившим на ласковый шёпот, набегала на скалистые отвесы обрыва, приглашая Тори окунуться в эти неведомые воды. Шепот, который поначалу показался Тори странным отзвуком плещущихся внизу теней, поднимаясь со дна, становился всё отчётливее и громче, пока не переместился к самому уху увлеченного Тьмой сына Света.

Тори различал в нескончаемом потоке малопонятной и от того ещё больше завораживающей речи обрывки каких-то уговоров, доводов, просьб. Он внимательно вслушивался в них, тщетно пытаясь разобраться в том, что предлагает ему этот неведомый голос: сделку, повиновение, помощь?

Отвлечённый неясными словами, Тори почти не заметил, как, уверенно отеснив Свет, Тьма со дна бездны успела подобраться совсем близко к пальцам его здоровой руки. Одного движения, небольшого усилия было достаточно, чтобы прикоснуться к Ней, принять Её непостижимое могущество.

Тори на мгновение перевёл взгляд на свою изувеченную руку, ставшую первой жертвой в затеянной не им борьбе. На

его глазах из сгустившихся вокруг уродливой культи теней появилась новая, блестящая на солнце кисть. Он с удовольствием сжал в кулак вновь обретенные пальцы, почувствовав небывалую силу и уверенность в правоте своего решения. Любуясь красотой подаренной ему обсидианово-черной плоти, Тори приблизил изящную новую кисть к лицу и, наслаждаясь той самой, презревшей тепло Первородного Света, приятной прохладой, исходившей теперь от неё, захотел прикоснуться к своим налитым огненной кровью щекам, пышущему жаром лбу.

Но едва он поднёс тонкие чёрные пальцы к лицу, с его плеча сбежало маленькое, приткое, явно несущее на себе отпечаток мастерства и изобретательности Ишу существо. Раньше чем Тори успел коснуться себя, ящерица быстро пробежала по руке и, замерев на миг в чёрной ладони, больно укусила его за палец. Животное тут же иссохло, и его обезображенное тельце соскользнуло в разгневанную, клокочущую Тьму.

Тори с ужасом отстранился от края бездны, наконец осознав, что чуть добровольно не покорился Тьме. Он с грустью посмотрел на свою левую руку, в лучах Первородного Света не скреплённые договором тени развеялись, и Тори снова был калеккой, вынужденным продолжать бороться с Тьмой. Но теперь бороться предстояло не только с той Тьмой, которую он сам давным-давно заточил собственной жертвой внутри земли, но и с той, что поднялась из глубин разума

и завладела его мыслями, когда он чуть не поддался Её обольщению.

Тори вспомнил, что стало с животным, вкусившим черную плоть, и был благодарен брату, что не оказался на месте его создания. Погружённый в размышления и раскаяние в собственной глупости он отправился в долину рек к Ишу, чтобы рассказать о том, что ему удалось узнать.

Встреча

На пути к мастерской среднего брата Тори встретил возвращавшегося в речные долины Ру. Тот шёл, о чём-то задумавшись, вскользь смотрел по сторонам и лишь изредка останавливал взгляд на каком-нибудь величаво раскинувшем зелёные ветви дереве или на распустившихся бутонах с их бросающимися в глаза яркими красками.

Тори издалека окликнул брата. Он, вздрогнув от неожиданности, обернулся и, заметив среди высоких трав желтокожего здоровяка, приветственно помахал рукой и поспешил ему навстречу. Они были рады увидеться после долгой разлуки и поспешили рассказать друг другу о своих путешествиях.

Тори, не скрывая постыдных подробностей, описал, как чуть не угодил в лапы Тьмы и спасся лишь благодаря помощи необычного существа, отправленного на его поиски братом.

Внимательно выслушав и нисколько не осудив брата, Ру поведал ему историю своего паломничества и рассказал, как от смертельного падения со скалистых уступов его тоже спасли творения Ишу.

– В тот момент, – говорил Ру, – когда я совсем отчаялся в своём стремлении взобраться поближе к Отцу и обрести в Его лучах недостающую мудрость или хотя бы получить от него какой-то совет, руки перестали меня слушаться, ноги

ослабели и задрожали, каждое движение грозило мне смертельным падением с огромной высоты. Я смотрел вверх на такую недостижимую вершину, затем опускал взгляд вниз, на уже невидимое глазу подножье горы и чувствовал себя невероятно одиноким, брошенным даже собственным Отцом и ни на что не годным созданием. По правде говоря, продолжая сквозь слезы отчаяния карабкаться вверх, я уже не жаждал мудрости, я мечтал о падении и забвенье.

Тори остановился и с сочувствием посмотрел в глаза Ру, утешительно похлопал его по плечу и, как-то совсем растерявшись от неловкой паузы, просто обнял младшего брата.

– Всем нам пришлось тяжело, – не находя других слов, сказал Тори.

– Ничего страшного, это уже в прошлом, – с лёгкой улыбкой ответил Ру, освобождаясь из крепких братских объятий.

Лучший вид на облака

– Так вот, – продолжал Ру, когда братья вновь отправились в путь, – тогда, потратив все силы и потеряв надежду, я вдруг увидел свободный и прекрасный полёт появившихся словно из ниоткуда птиц. Ты же встречал на своём пути птиц?

– Если ты о тех парящих высоко в небе существах, то да, я видел их в своих странствиях. Но что тебя так поразило в них, способность летать?

– Отчасти, да. Птицы с лёгкостью поднимались выше горных хребтов, а некоторые взлетали ещё выше, прорезая белоснежную дымку облаков. Но они не стремились остаться на этой недоступной другими высоте, там не было ничего такого, что они не могли бы найти гораздо ниже. А потому так же быстро и уверенно птицы пикировали вниз, находя, похоже, не меньшее удовольствие в спокойном планировании над низинами лугов.

И меня словно озарило! Как же глупо было искать мудрости в попытках взобраться поближе к Первородному Свету, если я перестал видеть провидение Отца там, внизу, на обогретой Его лучами земле. Ведь в тенистых лесах Первородного Света не меньше, чем в залитых солнцем горах. Его там даже больше! Потому что сила Первородного Света не только в слепящих глаза жарких лучах солнца, но и в колышу-

щихся на ветру травах, затаившихся в зарослях животных. Сила и мудрость нашего Отца заключена в жизни, её Он противопоставил Тьме, создав нас, и её Он подарил творением Ишу. Только жизнь может противостоять Тьме. Вот то знание, которое я пытался найти в горных пустошах, а нашёл в жизни, воплощённой в созданиях Ишу.

Ру остановился и, потирая лицо руками, прислонился спиной к одиноко стоящему дереву. Тори не стал противиться неожиданному привалу и присел подле брата на вросший в землю валун. Они как-то разом замолчали, и Тори случайно заметил, с каким упоением и увлечённостью младший брат наблюдает за вереницами плывущих по небосводу облаков. Он не стал отвлекать его расспросами и решил сам попытаться найти в многообразии этих причудливых белоснежных форм какой-то пока скрытый от него, но явно доступный брату смысл.

– Знаешь, что ещё я понял в своих скитаниях по горам, – прервал Ру тщетные старания Тори, – на облака лучше смотреть снизу.

На вопросительный взгляд недоумевающего брата Ру ответил широкой улыбкой и как ни в чем не бывало продолжил путь.

Воссоединение

Братья застали Ишу за работой. Весь перепачканный глиной, в скромной компании нескольких прирученных и верных ему животных, он ваял в своей небольшой мастерской очередное творение.

Ишу коротко поприветствовал братьев, проявив неподдельную радость лишь нежной улыбкой, и поспешно, не отвлекаясь от лепки, посвятил их в суть своей новой работы.

– Я очень рад вас видеть, но прежде, чем я смогу поговорить с вами должным образом, разрешите мне закончить. Понимаете, это создание, я называю его приматом, станет первым в череде, как мне кажется, революционных форм жизни. Вы и сами знаете, как долго я здесь тружусь, эти бесконечные поиски, миллионы идей, тысячи проб, ещё больше ошибок и неудач, всё это время я создавал, стремясь к цели, которую сам до конца не мог осознать. Но сейчас я на пороге совершенно нового этапа. Если всё получится и наш Отец не оставит меня в моём дерзновении, я смогу, пусть и не сразу, добиться того, чтобы последующие творения не только могли воплощать и распространять жизнь, как делали их предшественники, но и влиять на неё, изменять, улучшать подобно нам.

Можете ли вы себе такое представить? И что этому сможет противопоставить Тьма? Она уже не знает, как совладать с

жизнью, наводнившей планету!

Тори с тревогой слушал воодушевлённые речи увлечённого работой брата, и его не покидало чувство, что та нечаянная самонадеянность, с которой Ишу говорил о грядущих победах, очень скоро столкнётся с неотвратимой силой неподвластных ему разрушительных событий.

И он не ошибся.

Не успел Ишу закончить, как земля под ногами загудела, и издалека донёсся топот сотен мчащихся табунов, предвещавший начало крупного бедствия.

Трудное решение

– Не может быть, это топот стад с Великого плато, там никогда не было землетрясений! Не могу поверить, погибнут миллионы живых существ... как такое могло произойти?!

– Послушай, Ишу, – подойдя к брату, сказал Тори, – сейчас не время для паники. Присядь. Ты должен меня выслушать. Тьма не настолько слаба, как тебе могло показаться в пору мнимого затишья. Я был в далёких пустошах и видел, как Тьма пробила брешь в земной коре. Ей ничего не стоит просочиться наружу, и тогда – конец всему живому... Всё погибнет, как погибла та маленькая ящерка, что ты оправил за мной. Она нашла меня в тот момент, когда я, попав под влияние Тьмы, чуть сам добровольно не стал Её частью.

– И что же ты предлагаешь? – взволновано спросил Ишу. – Выходит ведь, что мы проиграли? Или шанс ещё есть? Ты хочешь попробовать закрыть эту брешь? Да, скажи уже хоть что-нибудь!

–... Нет, не думаю, что это поможет, – задумчиво, словно решаясь на что-то опасное, рассуждал Тори, – Тьма легко расколется в любом другом месте, но тогда Она уже не даст нам отсрочки и непременно атакует первой. Сейчас же Она намеренно бездействует, как будто чего-то ждёт... может быть, просто наблюдает за происходящим и насмехается над нашей беспомощностью.

Шум не унимавшейся вдалеке катастрофы неожиданно стих, так что брать смогли услышать тяжёлый выдох Тори и последовавшее за ним тихое:

– Нужно попробовать с ней договориться.

Ру с силой зажмурился и закрыл лицо ладонями, Ишу закричал:

– Договориться?! О чём?! Ты самый старший и мудрый из нас, но даже тебя Она едва не сманила на свою сторону. И теперь ты хочешь, чтобы мы все добровольно явились к Ней на поклон!

– Мне кажется, Она слишком хитра, изобретательна и самолюбива, чтобы использовать один и тот же приём дважды. К тому же теперь мы знаем о Её настоящей силе и сможем быть осмотрительнее и осторожнее.

– Ему кажется... – передразнивая рассудительный тон брата, проворчал Ишу. – Ру, почему ты молчишь?! Один я считаю план Тори безумием?

– Не знаю, – неуверенно начал Ру, – он единственный, кто сталкивался с Тьмой так близко...

– Но он же сам говорит, что ему еле удалось выбраться!

– Да, но благодаря этому он стал обладателем бесценного опыта, которому мне нечего противопоставить. У меня нет альтернативного плана, и поэтому я не вижу причин отказываться от, судя по всему, нашей единственной возможности сдержать Тьму.

– Лучше бы ты и дальше молчал.

– Ты сам спросил.

– Знаю, но легче не стало...

Хорошо, одних я вас больше не пущу, и поэтому отправимся вместе, но помните: я был против.

Тори слегка поклонился брату в знак благодарности. Делая вид, будто не заметил этого, Ишу продолжил:

– Спустимся в низину и оседлаем лошадей – это быстрые и выносливые животные – на них без труда доберёмся до нужного места. Надеюсь, ты не ошибся Тори. Чего стали? В путь!

Переговоры

Едва за приметив на горизонте рваный край каменистого обрыва, братья спешили и отпустили лошадей.

Тори первым аккуратно двинулся в сторону бездны, рядом с ним шёл Ишу, Ру дали знак на всякий случай держаться поодаль.

– На этот раз решили явиться всем семейством? – раздался из пропасти насмешливый низкий голос.

– На этот раз ты решила заговорить? – злобно огрызнулся Тори. – Совсем недавно ты была менее словоохотлива.

– У нас неплохо получалось и без слов, забыл? Ты почти согласился...

– Почти, – резко перебил Тори.

– Да, конечно, ты уже давно мог быть в моей власти, если бы ни одна из тысяч бестий твоего братца, что вмешалась в наши переговоры. Как это было некрасиво. Ишу, тебе не кажется, что твои зверушки слишком распустились? Не следовало давать им столько воли.

– Кажется, распустился здесь кто-то другой, – презрительно процедил Ишу.

– Это ты про меня, закованную вами в этой скорлупе? И не стыдно тебе?

Ишу молча поднял увесистый булыжник и демонстративно швырнул его в бездонную пропасть.

– Не стоит обижать меня, малыш, а то ненароком тряхнет как следует твою любимую долину рек, и вместо лепки будешь там камни разбрасывать.

– Об этом мы и пришли поговорить, – жестом успокаивая брата, примирительно заговорил Тори

– Да? А я уж было решила, что вам просто скучно втроём. Младшенький вот точно заскучал.

Ру, и правда, всё это время не вмешивался в диалог и, присев поодаль на каменистой земле, задумчиво смотрел на небо. Когда Тьма заговорила о нём, он лишь перевёл взгляд на Тори и, получив отмашку от старшего брата, остался на прежнем месте.

– А он у тебя послушный, – насмешливо заметила Тьма.

– Хватит, мы пришли сюда не за тем, чтобы выслушивать твои издевательства. Мы хотели предложить тебе сделку.

Сделка

– Хм, интересно... Когда вы, хоть и не по своей воле, явились сюда и стали вмешиваться в наше со Светом противостояние, заключили меня в этот нелепый кокон, признаюсь, я хотела вас уничтожить. Но потом ваши наивные попытки сдержать меня стали забавлять. И чем изобретательнее были ваши планы, тем веселее мне было наблюдать за вашими усилиями, зная, что я в одно мгновение могу положить всему этому конец. Приятно постоянно осознавать свою силу и власть... В общем, вы привнесли разнообразие в моё извечное соперничество с вашим Отцом. Появился некий интерес, да и образовавшийся вокруг мирок мне отчасти нравится.

Тьма ненадолго замолчала, оставив братьев в тишине поразмыслить над их слабостью и бессилием повлиять на исход борьбы между Ней и Светом. А затем, тем же размеренным низким голосом, продолжила:

– Вы пришли просить, чтобы я прекратила бедствия и дала возможность вашему хрупкому миру существовать, пока вы не придумаете более надёжные и эффективные средства для моего заточения, правильно я понимаю?

– Да, – не таясь, ответил Тори.

Ру испугала прямолинейность брата, и внутренне он уже приготовился к печальному финалу этих странных перегово-

воров. Но вопреки его ожиданиям, вместо немедленного начала страшных бедствий, вновь раздался довольный голос Тьмы:

– Хорошо, я согласна позабавиться ещё какое-то время и дать вам отсрочку. Но теперь мы немного изменим правила.

– И чего же Ты хочешь? – с опаской спросил Тори.

– Для начала я хочу, чтобы неусыпно светящее с неба солнце периодически уступало место ночной луне. Пусть её мягкий, приглушённый свет и темнота вокруг символизируют Меня в нашем обновлённом мире.

Также некоторое время я буду властвовать поочерёдно во всех землях. Не пугайтесь. Я не буду учинять там землетрясений и извержений вулканов, разве что иногда. Лишь буду забирать жизненные силы ваших ненаглядных растений. И попрошу на время моего воцарения устроить на этих территориях ночи подлиннее, в то же время на других пусть преобладают солнечные дни. Когда я перейду к ним, то хочу, чтобы растения вдоволь напитались дарами Света и им было что мне отдавать. Думаю, Тори, тебе не составит особого труда переустроить всё как надо. В этом деле я тебе полностью доверяю.

И, наконец, последнее. Это задание в большей степени для Ишу.

Средний брат заметно напрягся и беспокойно смотрел в сторону обрыва, боясь представить, что может потребовать от него Тьма.

– У тебя выходят отличные создания. Но всем им чего-то не хватает, правда? Ты сам это замечал и поэтому до сих пор пытаешься найти идеальную форму. Но раз я теперь полноправно разделяю с вами этот мир, то, так и быть, помогу тебе.

Ты ищешь не там, Ишу – дело не форме. Им не хватает внутреннего наполнения. Ты наделяешь их жизненной силой Света, и они безропотно принимают её, несут в течение отведённого им тлением плоти срока, передают отпрыскам и всё. Они живут, но их жизнь не похожа на вашу. И поэтому она кажется тебе, творцу, неполноценной, бракованной. Ведь так?

Ты винишь в этом несоответствии себя, недостаток своего мастерства, неправильность изобретённых тобою форм. Но дело в материале, из которого ты лепишь.

Ваша жизнь отличается от жизни твоих созданий тем, что вы постоянно вынуждены противостоять Мне, им же это неизвестно. Так надели же их этим недостающим элементом!

Сейчас неподалёку от твоей мастерской произошло небольшое землетрясение. Не бойся, долина рек осталась цела, и почти никто не пострадал. Но в земной коре появился разлом, в котором ты найдёшь глину, отличную от той, с которой ты работал прежде. Считай это моим тебе подарком.

Эта глина несёт в себе частицу Меня, и я хочу, чтобы ты создал то самое творение, которое познает истинную жизнь и станет её подлинным воплощением. Ведь ты же этого хотел?

– Да, – всё, что смог сказать поражённый знаниями Тьмы Ишу.

– Хорошо, что я в тебе не ошиблась, – вкрадчивым голосом добавила Тьма. – На этом всё, друзья мои. С вами приятно иметь дело. Можете идти с миром и не тревожиться о катаклизмах. В свою очередь, жду скорого выполнения возложенных на вас обязательств. Прощайте.

Пробы и ошибки

Ничего не оставалось братьям, кроме как принять условия сделки.

«По крайней мере, так мы сможем хоть на какое-то время удержать Тьму внутри земного шара», – успокаивал себя Тори. И стараясь не думать больше о возможных последствиях сомнительного уговора, принялся выполнять возложенные на него обязанности.

Циклы смены дня и ночи, переходы солнечных, цветущих сезонов в тёмную, пасмурную зиму. Сохраняя необходимый баланс, Тори тем не менее пытался оставить как можно больше солнечных дней для покрытых зеленью и густо заселённых жизнью земель, в то время как измождённые землетрясениями малообитаемые территории он отдавал на откуп самым долгим зимам.

Тори скрупулезно продумывал каждое новое изменение, но иногда даже самые точные расчёты подводили его, и одно неверное решение становилось причиной необратимого дисбаланса всей тщательно выстроенной системы. Тогда изнурённому многочисленными неудачами Тори ничего не оставалось, кроме как начать всё заново, надеясь, что на этот раз он не ошибётся и труд его не будет напрасным.

На службе у Тьмы

Ишу возложенные на него обязанности, напротив, вовсе не обременяли. После разговора с Тьмой, он словно по-новому взглянул на свою работу.

Тьма – совсем недавно главный его противник, на борьбу с которым он и пробуждал жизнь во всех своих творениях – теперь казалась ему главной ценительницей его ремесла и мудрой наставницей. Всего несколько Её слов смогли открыть ему непостижимые доселе истины, помогли переосмыслить руководившие им прежде ценности. Найдя в ней понимающего соратника, он с ещё большим рвением взялся за любимую работу: под палящим солнцем и в тусклом свете луны весь перепачканный чёрно-коричневой глиной, он без усталости трудился в своей мастерской.

«Но во имя чего? – всё чаще задавался вопросом вызвавшийся помогать брату Ру. – Уж не во имя ли Той, что своими пронизательными льстивыми речами смогла овладеть руками этого гениального мастера?»

Постоянно находясь подле Ишу в роле подмастерья, Ру не мог не заметить, как сильно изменился брат. Его больше не волновало противостояние Первородного Света и Тьмы, точно не для помощи первому он был сотворён. Теперь он был всецело поглощён лишь одной целью – создать существо, способное нести в себе тот конфликт, который он при-

зван был разрешить.

С каждым днём Ру всё больше убеждался: на этот раз главной жертвой коварства Тьмы стал Ишу. Она специально польстила ему таким близким по духу заданием. Способного же повлиять на происходящее старшего брата Тьма нарочно обременила самой изматывающей, не терпящей ошибок работой, чтобы тот не мог вмешаться в порабощённое Её влиянием сознание Ишу.

Тайный замысел

Ру часто размышлял над тем, что же реально задумала Тьма, заключив с ними сделку.

«Вряд ли Она настолько сильна, – думал Ру, – как пыталась тогда казаться. Да, возможно, сломать оковы земной коры Ей не составило бы труда. Но что дальше? Одолеть Первородный свет Ей и прежде было не под силу, значит, уничтожь Она созданный нами мир, шансов на победу у Неё бы не прибавилось.

И тогда она решила пойти другим путём. Сделать вид, что добровольно соглашается на заточение, взамен вытягивая хранящуюся в растениях жизненную силу. Но это лишь видимость. На самом деле она хочет подготовиться к решающей битве. А для этого ей нужно разыграть пробный конфликт Света и Тьмы. И не раз. Ей нужно как следует отточить все приёмы, идеально изучить противника, прежде чем вновь столкнуться с Ним один на один. Новое творение Ишу и должно стать Её тренировочным полем, мирозданием в миниатюре.

Но он даже не хочет этого слушать! Он почти не разговаривает, считая, что это отвлекает его от работы. Работы, которая поможет Тьме научиться побеждать Первородный Свет!»

Последние штрихи

Ру не мог повлиять на брата, да и в праве ли он был настаивать на нарушении условий договора. Возможно, вмешательство Тори способно было образумить Ишу. Но измотанный постоянной работой старший брат в ответ на доводы Ру лишь устало покачал головой и, став, казалось, ещё более печальным, погрузился в свои расчёты, словно пытаясь удалиться от происходившего в глиняной мастерской.

Тем временем работа над новым творением близилась к концу. Ишу создавал его на основе своих наиболее совершенных приматов, и теперь готовые в любой момент ожить глиняные фигуры, пугающе похожие на самих братьев, стояли в центре мастерской, где Ишу, торопясь закончить к полудню, вносил последние изменения.

Всё, что теперь оставалось Ру, это со страхом наблюдать, как в ярких лучах полуденного солнца глаза глиняных фигур наполняются Светом, и следом начинают оживать их ещё пару мгновений назад недвижимые тела.

С невероятным волнением Ру встречал рождение созданий, которым суждено нести в себе главный конфликт этого мира, хотя, возможно, они никогда и не узнают об этом.

Пытаясь скрыть переполнявшую его тревогу, Ру выходил навстречу людям.

Человек

Люди были неприятны Ру. Они сильно походили на детей Первородного Света, но при этом были лишены внутренней тяги к созиданию, поиску красоты в балансе и равновесии. Всё это было им чуждо.

По крайней мере, в своих наблюдениях он замечал за ними лишь явную склонность к удовлетворению насущных потребностей, только в их случае это не выглядело естественно-красивым, как у зверей, а было каким-то вычурным и зачастую избыточным.

В большинстве случаев эти слабые животные старались компенсировать свои скудные способности к выживанию избыточными притязаниями на жизнь и ставили своё существование гораздо выше других. Эта особенность раздражала Ру больше прочих. Хотя Ишу, всегда принимавший сторону своих любимых творений, много раз пытался доказать ему, что столь странная форма эгоизма, возможно, единственный шанс на выживание для таких физически слабых созданий, Ру упорно продолжал презирать людей за это качество.

Вдали от всех

Люди жили с братьями почти на равных, хоть и почитали Сыновей Солнца, как богов.

Тори взял на себя роль наставника. Помня о таящемся внутри человека тёмном начале, он всячески пытался приобщить людей к добродетелям Первородного Света, часто называя их самих потомками Солнца и настраивая против знакомой им, казалось, лишь с его слов коварной Тьмы.

Ишу обучал людей ремеслам, старался обустроить их быт и делал всё, чтобы в будущем они смогли выживать самостоятельно. Он иступлённо служил человечеству, как некогда своему ремеслу. Сохранение людского рода стало для него первостепенной задачей. Всё остальное, в том числе разглагольствования Тори, Ишу считал вторичным и, по большей части, бесполезным. Конфликт Света и Тьмы и вовсе утратил для него всякое значение.

Среди двух противоположных подходов к развитию человека Ру выбрал сторону Ишу. Но не потому, что разделял её. Нет. Люди по-прежнему были ему неприятны, и он предпочитал избегать любой деятельности внутри их общин. Именно поэтому Ру стал помогать среднему брату с тем, что, по мнению Ишу, было так необходимо для укрепления позиций человеческого рода среди других живых сообществ. Он взял на себя расселение людей, подыскивая в своих долгих стран-

ствиях наиболее подходящие для жизни места.

Ему нравилось подолгу находиться вдали от суеты человеческих поселений и быть избавленным от необходимости постоянного взаимодействия с ними. В то же время он помогал брату и вносил свой вклад в общее дело.

На коротких стоянках между долгими переходами утомлённый Ру нередко наслаждался свободой и умиротворённостью, покоем и лёгкостью облаков, и всё чаще ему самому хотелось стать хоть немного сопричастным этой красоте.

И тогда он испросил у Отца своего способность влиять на форму белоснежных облаков, которыми так часто любовался.

С того момента Ру на каждом из привалов, а иногда и на ходу, развлекал себя созданием причудливо-прекрасных композиций на безграничном полотне небосвода. Лёгким движением руки он изящно закручивал воздушную материю в разнообразные узоры и фигуры или неспешно собирал по небу разрозненные, едва заметные клочки в одно восхищающее своим масштабом облако.

Так, не спеша, подобно облакам, день за днём бежало время, и Ру продолжал свой размеренный путь, не думая о том, что сможет разделить с кем-то тихую красоту уединения.

Проводник

В одном из множеств путешествий Ру посчастливилось открыть для себя другую, не знакомую ему прежде сторону человеческой сущности. И, к его изумлению и безграничной радости, в ней угадывалась красота Первородного Света.

Это случилось, когда Ру ждал очередную группу переселенцев. По его расчётам, они должны были добраться до его стоянки к вечеру. Он достаточно хорошо изучил местность вокруг и теперь отдыхал посреди нежно-зелёной поросли у входа в большую пещеру, дожидаясь людей.

Ру по обыкновению увлёкся созданием живописного вида на небосводе, когда совсем случайно заметил на горизонте одинокий силуэт.

Не было сомнений, что это так называемый проводник, который должен был вести переселенцев из лагеря по маршруту, проложенному Ру. Проводники часто разведывали местность, чтобы заранее изучить оставленные для них пометки и лучше ориентироваться в пути, пока соплеменники останавливались на привал. Но сейчас было за полдень, переселенцы во всю должны были идти. А проводник не мог оставить их в дороге.

Всё разъяснилось, когда проводник добрался до Ру, изда- лека заметив его сиявшую на солнце оранжевую кожу. Он с почтением поклонился сыну Солнца, представился, назвав

себя Лейро, и рассказал, что произошло:

– В двух днях пути отсюда, на нас напали дикие звери. Несколько человек погибло, и уцелевшие приняли решение вернуться вместе с ранеными в лагерь. Я же пришёл сообщить тебе об этом несчастье, чтобы ты не дожидался нас и возвращался к брату.

– Скверно, – печально ответил Ру, – места здесь хорошие. Придётся тебе потом вести сюда ещё одну группу.

– Понимаю, но можешь не беспокоиться, я хорошо запомнил дорогу и смогу провести их сюда в одиночку.

– Ты, наверное, устал? Присядь, отдохни.

– С радостью приму твое приглашение.

Лейро аккуратно сел на край нагретого солнцем камня справа от Ру и стал вглядываться в раскинувшееся перед ним разнообразие форм и размеров застывшей на небе белоснежной воздушной материи. Его отвлекло выглянувшее из-за облака солнце. Он зажмурился от яркого света и, улыбаясь, сказал:

– Красиво...

Интересно, кто же их рисует? – немного погодя, добавил Лейро и подозрительно посмотрел на Ру, точно угадав в нём главного художника небосвода.

– Разве это имеет значение? – неторопливо заговорил Ру, – ты всегда волен созерцать то, что тебе действительно по нраву, и совсем неважно, чьими руками оно сделано. Если же вокруг всё не по душе, то попробуй создать что-то

свое, необязательно должно получиться. Но пытаясь воплотить собственное представление о прекрасном, ты, возможно, научишься находить красоту и в чужих творениях.

Ру давно не делился ни с кем своими мыслями, и эта многословная, несвойственная ему речь вырвалась словно сама собой. Ру посмотрел на задумавшегося проводника и, решив, что его слова остались непонятыми, продолжил любоваться облаками.

– Наверное, ты прав, – неожиданно произнёс Лейро. – Когда я долго смотрю на небо, меня тоже посещают необычные мысли.

– Правда? – удивился Ру. – И о чём же ты размышляешь в такие моменты?

– О разном. В последние дни я много времени провёл в дороге под знойным небом. И каждый раз после короткого ночлега я встречал на рассвете то же самое, ещё вчера нещадно палившее меня солнце в окружении множества облаков, и лучи его лишь вскользь касались моего лица... Тогда я думал, что величие Света всё же лучше видно в тени облаков.

– Тебя, и правда, посещают интересные мысли, друг мой. Лейро ещё немного посидел, наблюдая в тишине за облаками, а потом поднялся со словами:

– Хорошо здесь, но мне пора, может, ещё успею нагнать своих, волнуюсь, как бы с ними чего не случилось.

– Ступай, да осветит Первородный Свет твои дороги. Проводник благодарно поклонился сыну Солнца и отпра-

вился в путь. А Ру остался размышлять над тем, что люди всё-таки не так безнадежны, как казалось ему прежде.

– Если они воспитают в себе хотя бы малую часть той тяги к созиданию, что живёт в этом человеке, – думал он, – то Тьма вряд ли сможет одолеть Свет внутри них. А значит, у этого мира ещё есть шанс на спасени.

Среди людей

Однажды увидев в человеке красоту Первородного Света, Ру навсегда проникся к чуждым ему прежде людям невероятной симпатией. Теперь то небольшое время, что он проводил в крупных поселениях, Ру посвящал общению с ними, словно заново отрывая для себя людей.

Но погрузившись с небывалым рвением в суету мелких дел и повседневные проблемы больших и малых общин, Ру не заметил того, что уже долгое время наблюдали его братья.

Люди перестали жаждать знаний. Теперь они хотели от братьев лишь сиюминутной помощи в исполнении своих недалёковидных, корыстных желаний. И потому, вместо жизни с сыновьями Первородного Света, как с равными себе, они предпочли уподобить их всемогущим богам. Ведь зачем трудиться вместе на благо человечества, когда можно выпрашивать благоденствия у сынов Солнца, что живут среди вас.

Тори, занимавшийся духовным воспитанием в общинах, первым обнаружил нарастающее моральное разложение своих воспитанников, ознаменовавшее собой начало эпохи великого упадка. Ишу долго сопротивлялся доводам старшего брата, но и сам он видел, как изо дня в день усердие людей сходило на нет и они замирали в своём развитии. Научившись подчинять себе природу, люди возгордились этим зыб-

ким могуществом и сочли, что больше им нечему учиться у Ишу.

Тем не менее средний брат добился своей изначальной цели: человечество больше не стояло под постоянной угрозой вымирания, а достаточно успешно расселялось и уже самостоятельно колонизировало новые территории, порой нещадно истребляя прежних обитателей занятых ими земель.

Ишу пришлось признать, что обучать людей больше не имело смысла, и, не захотев быть нелепым божком у не знавших меры бывших учеников, он вместе с Тори ушёл прочь от крупных поселений в необитаемую долину гор.

Лишь иногда братья вновь брались за обучение искренне искавших общения с ними редких паломников, которые обычно считались среди своих просветлёнными жрецами или же непонятыми изгоями.

Ру, напротив, продолжил жить среди людей и старался помогать им в самых насущных искренних просьбах. Но дабы избежать слепого поклонения, ему приходилось делать это тайно, оставаясь невидимым благодетелем рода людского. Ру стал носить странную, но подчас даже удобную человеческую одежду, сутулился подобно большинству людей, разговаривал на их причудливых диалектах. И вскоре люди уже перестали узнавать в нём какое-то божество, а на единственное, что говорило о его истинном происхождении – оранжевый цвет непокрытых участков кожи – почти никто не об-

ращал внимания, принимая Ру за одинокого странника из дальних племён.

Почти всё время Ру проводил в разных общинах и много наблюдал за формирующимися обычаями и ритуалами людей. Его смущали и в то же время занимали их наивные верования во всемогущих божеств, которые готовы помочь человеку в любой проблеме, если тот совершит правильный обряд и принесёт подобающую жертву.

Наблюдая за людскими жизнями, по большей части несчастными и трагичными, Ру не раз винил себя и братьев за договор, заключённый с Тьмой. Ему казалось, что горести и беды, терзающие человека от рождения и до смерти, есть не что иное, как проявления тлетворного влияния заложенной в них Тьмы, и он старался хоть немного искупить эту вину, выполняя украдкой подслушанные алтарные просьбы невинных, раздираемых внутренней борьбой людей.

Но просьбы всё чаще становились не мольбами о ниспослании жизненно важных для племени урожаев, дождей, ранней весны, а иступлёнными требованиями о нападении мора на соседей, нашествии саранчи и засухе на полях соперников и потенциальных врагов.

Ру с ужасом следил за тем, как Первородный Свет в человеке всё больше уступал коварной Тьме, и понимал, что неизбежен тот день, когда переполненные Тьмой люди захотят выплеснуть свой внутренний конфликт на других, подобных им страдальцев, видя в этом единственный способ осво-

бодиться от раздирающих их противоречий. И этот продиктованный самой Тьмой способ будет не чем иным, как разрушительные, безжалостные войны.

Новые боги

Вскоре худшие опасения Ру подтвердились: люди совсем отвернулись от Света и ринулись в бой за мнимые блага и славу, и впервые пролилась на землю человеческая кровь в угоду умевшей ждать, расчётливой Тьме.

Людям потребовалось новые боги, ибо ритуалы прежним перестали работать. Боги прошлого остались не у дел из-за своей слабости и нежелания помогать храбрым воинам в ратных подвигах. И на смену им одними из первых пришли боги войны и смерти.

Ру подолгу скитался по полям сражений, поднимая на ноги тех немногих, кого можно было спасти, и часто, пытаясь найти хоть какое-то объяснение кошмару вокруг, думал о порождённых умом людей божествах.

«Что если они и вправду существуют подобно мне и братьям? Но кто их сотворил? Тьме не под силу породить что-либо на этой земле, хотя новые боги явно на Её стороне».

И всё чаще Ру приходил к заключению, что пока люди собственными усилиями не научатся противостоять Тьме внутри себя, они и будут неким подобием Её созданий. А значит, и новые боги, порождённые увлечёнными Тьмой людьми, несомненно принадлежат Ей.

Вождь

Ру никак не мог оставить надежд помочь людям в борьбе с терзавшей их Тьмой. И однажды в отчаянной попытке образумить человечество решил предстать перед наиболее могущественным вождём, и, явив ему свою Первородную сущность, напомнить, чьими творениями являются люди.

Увы, даже испускающее свет тело сына Солнца не убедило вождя прислушаться к словам Ру и отречься от новых богов, вернувшись к мирной жизни во имя Первородного Света.

– Настали тяжёлые времена, – ответил вождь, – а значит, выживет сильнейший. Поэтому нам нужны сильные боги, которые поведут моих людей вперёд, к победе, и во славу которых им будет нестрашно умирать.

– Но ради чего умирать раньше времени и множить несчастья, убивая друг друга! – отчаянно воскликнул Ру.

– Ты ничего не понимаешь! И даже случись, что ты не нахальный чародей, а вправду из древних божеств, ты всё равно слаб, и я тебе это докажу.

Вождь подал знак дежурившему у выхода человеку. Тот ловко вскинул пращу, и в следующее мгновение камень больно ударил Ру по затылку.

– Зачем ты это сделал?!

– Чтобы доказать, что ты слабак! Что это за бог, которого побил камнями человек, ха-ха-ха! А теперь проваливай

отсюда, лжец, пока я не приказал скормить тебя заживо волкам!

Ру молча вышел из шатра под презрительный шёпот и злобные взгляды таких дорогих ему, но так безнадёжно заблудших людей. Он решил последовать примеру старших братьев и отправился за ними в горы.

Но, когда после долгих поисков ему всё же удалось их найти, он застал братьев на пороге решения, показавшегося ему невероятным.

Исход

– Рады тебя видеть, Ру! – радостно встретил брата Тори. – Не представляешь, как ты вовремя. Мы уже хотели искать тебя в поселениях

– Я тоже рад, что смог вас найти. А что случилось, зачем я вам понадобился?

– Мы приняли решение уйти.

– Уйти?! Куда, почему?

– Я не могу больше видеть, как они истребляют друг друга! – не сдержался Ишу. – Каждый их удар отзывается неимоверным страданием во мне самом.

– Всё что я мог вложить в их головы, – спокойно сказал Тори, – я говорил им уже несметное число раз – больше людям это не нужно. Ты и сам знаешь, они стали изобретать свои учения. Некоторые из них в точности повторяют то, чему учил их я, другие, напротив, основаны на отрицании этих истин.

Так или иначе, мои речи теперь бесполезны, они осели в их умах, насколько это было возможно, и стали для них чем-то само собой разумеющимся, тем, что постоянно присутствует в их мыслях. Назовём это совестью или как-нибудь по-другому, неважно. Зачем им слушать меня, если есть условный голос внутри, довериться которому гораздо естественнее, чем слушать странного недобога.

Они в нас больше не нуждаются, и потому мы не в силах больше на них влиять, а значит, нам пора возвращаться, мы сделали всё, что могли, и теперь исход зависит от них.

– Скоро рассвет, идёмте, – посмотрев на небо, сказал Ишу.

– Нет, я остаюсь, – уверенно заявил Ру.

– Что? Почему? – почти одновременно удивились братья.

– Величие Света лучше видно в тени облаков.

– Хорошо, – улыбнулся Тори, – но помни, что Отец всегда готов принять тебя.

– Не забуду, – пообещал Ру и крепко обнял братьев на прощание.

Братья вместе вышли на горное плато, и в лучах восходящего солнца Ишу и Тори слились с Первородным Светом.

Ру, щурясь, смотрел на пылающий солнечный диск, то-ропливо сгоняя к нему облака, чтобы успеть насладиться истинной красотой восхода.

По ту сторону реки

– О, неужто сам Гермес решил почтить нас своим присутствием! – приветливо оскалился Харон, правя лодку к берегу. – С кем на этот раз?

– Парменион, странствующий поэт и философ, – представил Гермес любопытно озирающуюся по сторонам тень крепкого мужчины.

– И чем же он так угодил Богам, что удостоился твоего сопровождения?

– Нёс людям учение о справедливом устройстве Аида, в котором достойно жившим на земле не стоит бояться тёмных глубин Тартара, ибо им уготовано место в безмятежном Элизиуме.

– Хмм... Элизиум... и слово-то какое интересное. Будем надеяться, что его ожидает то, во что он верил.

– Так, вы трое, – Харон торопливо указал веслом на группку теней, стоявших поодаль от берега, – Приготовьте монеты и залезайте в лодку.

Те поспешили к перевозчику, протягивая ему тускло поблёскивающие серебряники.

– Парменион! – прикрикнул Харон на внимательно наблюдавшего за робкой процессией философа, – ты здесь собираешься остаться? Давай обол и садись скорее в лодку, мы и так задержались.

Парменион беспомощно развёл руками и, ища заступления, умоляюще посмотрел на стоящего подле Гермеса.

– Что?! Нет обола?! – рассвирепел Харон. – Хорошо же ты изучил устройство подземного мира! Счёл себя таким великим, что решил, будто явишься сюда и сможешь наплевать на вековые обычаи?!

В гневе он замахнулся веслом на дрожащую в страхе тень, но Гермес жестом остановил его.

– Успокойся, Харон. Мы же давно знаем друг друга. Парменион был хорошим человеком, поверь мне. Давай сделаем исключения для его доброй души.

– Нет! Без обола он останется на этом берегу!

– Зачем тебе эти бесполезные монеты, безумец?! – выйдя из себя, воскликнул Гермес. – Ты даже не сможешь их потратить!

– Не мною это было заведено... – устало бросил Харон, отплывая от берега.

Харон причалил и небрежно указал теням на дремавшего неподалёку Цербера:

– Спокойно проходите мимо, он вам не навредит, а там вас будут ждать.

Сам же он сошёл на берег и торопливо спустился по крутому склону в каменистый овраг, где за угловатым валуном хранил свои скорбные сокровища. С трудом сдвинув тяжёлый камень, Харон, озираясь, ссыпал несколько серебряных поверх других монет, наполнявших широкую трещину в горных породах.

И вдруг овраг наполнился жутким смехом налетевших со всех сторон эриний.

– Разбогател на несчастных душах и доволен!

– Неужто решил купить новую лодку или жадность всё ещё не позволяет?!

– Нет, этот жалкий старикашка хочет себе трон как у самого Аида!

– Смейтесь, ненавистницы, – лишь бросил привыкший к издевательствам эриний Харон, – скоро это утратит для меня всякое значение.

– Гермес! Гермес! – кричал окружённый недоумевающими тенями лодочник.

Едва уловимый ветерок пронёсся в извечно неподвижном и тяжёлом воздухе Аида, и Гермес впорхнул под тёмные своды подземного царства.

– Что случилось?! Что-то важное? Или ты опять решил отчитать меня за какую-нибудь нерадивую душу, явившуюся к тебе без обола?

– Нет, мне нужна твоя помощь.

– Да? Говори же скорее.

– Ты вестник богов и знаешь их лучше любого. Упроси Гефеста изготовить для меня мост через Стикс?

– Ты обезумел! Где взять ему столько крепкого металла, что выдержит бурные потоки Стикса? И как переправить опоры с Олимпа сюда? Прости, но...

– Послушай, у меня вдоволь драгоценного металла. На том берегу весь овраг заполнен серебряными монетами, которые я собирал с теней всё это время, их можно переплавить в опоры для моста.

– Ха, ты всё продумал! И я бы с радостью тебе помог. Но даже спусти Гефест части моста ко входу в Аид, никто бы не решился заносить их сюда и уж тем более ставить опоры, стоя в печальных водах Стикса. Боги страшатся здешних мест не меньше смертных, и ты это прекрасно знаешь. Мне же не под силу возводить конструкции, что создал бог-кузнец. Я не могу тебе помочь.

– Гермес...

Но олимпийский вестник улетел, оставив лодочника по-

среди его печали и скорби тех, кому не суждено было покинуть этот берег.

Тогда разгневанный Харон отправился в пустой лодке к своим сокровищам в горных разломах. Он вытащил лодку на берег и, не жалея, поволок по острым валунам в овраг. Там жилистыми руками он загребал горсти монет и доверху наполнял жертвами живых своё потрёпанное судно, больше не желая оставаться в долгу у мёртвых.

Он возвращался к берегу, толкая лодку, полную оболгов, впереди себя, и высыпал монеты в Стикс, сужая раз за разом её русло, пока до берега с теньями не осталось всего пары шагов. Как ни пытался лодочник, но эту узкую прореху в серебряной плотине, что шла наперекор водам унынья и печали, засыпать он не мог. Стикс собирался в поток невероятной силы и размывал любые преграды на своём пути.

Харон стал подзывать тени умерших, чтоб те прыжком перебирались на плотину и шли по ней туда, где так давно мечтали оказаться. Но страх быть смытыми свирепыми потоками реки вынуждал тени остановиться и сквозь слёзы смотреть в лицо бессильного Харона.

Берег кишел несчастными теньями, все они жаждали скорее узнать свою загробную судьбу, что ждёт их за рекой. И переправой для них стал сам Харон.

Он закопался по колено в серебро и уцепился пальцами за скалистый берег, вытянув в струну своё худое жилистое тело. И толпы теней тут же устремились по костям Харона

на груди отданных их предшественниками жертв.

Под тысячами ног тело Харона прогнулось, и голова, не выдержав, склонилась в воды Стикса.

И стало ему так горько и нестерпимо пусто, что от отчаяния утратил он сознание, но даже будучи в беспмятстве ещё сильнее стиснул край скалы.

Столь долго томившиеся в ожидании души теперь бежали нескончаемым потоком, и только Парменион, не зная, как помочь Харону, стоял поодаль на берегу, с ужасом взирая на его мученья.

Заметив жуткие страдания Харона, которые тот ничем не заслужил, эринии, всё знавшие о замысле с мостом, может, впервые за своё существование, сжалились и возопили к вестнику богов:

– Гермес! Скажи Гепесту, пусть куёт опоры – в сокровищницах лодочника ещё полно монет. Как только части переправы будут у преддверия Аида, мы сами заберём их и воздвигнем мост.

Когда Харон очнулся, подле него уже сияло олимпийским блеском детище Гепеста, эринии кружили над серебряным мостом, Гермес же, стоя рядом, наблюдал, как тени, не задерживаясь, покидают берег.

– Ты сделал великое дело, Харон.

– В этом нет моей заслуги, я лишь следовал Его замыслу. Он знал, что всё закончится именно так, ещё когда обязал

меня брать плату за переправу. А я ... сделал то, что было мне предуготовано.

Гермес, не мог бы ты помочь мне ещё один, последний, раз?

– Слушаю.

– Принеси мне сверху девять кусков отборной говядины. У меня должно быть припрятано ещё немного монет.

– Не стоит, я скоро вернусь, – и Гермес тотчас исчез лёгким дуновением ветра.

– Я поражён твоим подвигом, этой великой жертвой, – раздался знакомый голос позади Харона.

Это был Парменион – единственная тень, оставшаяся по эту сторону Стикса после возведения моста.

– Почему ты не ушёл вместе с остальными?

– После того, что я увидел, мне незачем идти дальше: то, для чего я жил и умер, случилось здесь. И теперь всё, чего бы я хотел, это стать хоть немного сопричастным произошедшему на этом берегу.

– Хорошо. Оставайся здесь. Тебе всегда будет чем заняться. Встречай тени, говори с ними, убедись, что они готовы. А если случилось так, что тень не готова идти дальше, возвращай душу обратно на землю, пусть доживает своё.

– А что же теперь будет с тобой?

– В моей работе больше нет нужды, я ухожу на покой.

Как всегда неожиданно появившийся Гермес протянул Харону свёрток с говядиной.

– Держи скорее, а я полетел – у олимпийцев называют какие-то проблемы, может, ещё успею им помочь.

– Прощай, Гермес!

– Ещё увидимся.

– Вряд ли...

Харон устало побрёл по мосту среди других теней, на ходу снимая своё рубище, пропитанное водами многовековых горестей человечества. Выбросив изорванное тряпьё в Стикс, Харон направился к тому, кто, как и он, был столь же долго жесток не по своей воле.

– Пойдём, больше мы здесь не нужны, – сказал Харон, угощая Цербера мясом и уводя вслед за собой к прозрачному истоку Леты.

Чистая вода подарила двум неусыпным стражам долгожданный покой. Они забрались поглубже в заросли асфодели, и Харон задремал, уткнувшись в мохнатый бок уснувшего Цербера.

Память Мира

Солнце щедро палило навесы прилавков, переполненных разнообразными товарами. Люди жались по краям широких торговых рядов, пытаясь ухватить помимо чего-нибудь по дешёвке ещё и кусочек прохладной тени в придачу.

Дару уверенно шёл между пёстрыми колоннами ищущих выгоды людей. Лёгкая льняная накидка и шапка тёмных кучерявых волос надежно защищали его от палящего солнца. Товары на прилавках его не прельщали. Не в силах избавиться от давней привычки, Дару по-прежнему интересовался исключительно человеческими судьбами. Украдкой всматриваясь в лица прохожих, он без труда угадывал истории их жизни в изгибах губ, складках морщин, суетливых встречных взглядах.

Те немногие, кому удавалось вырваться из водоворота будничной суеты, находили внешний вид Дару весьма интересным. Его массивные, местами грубые черты лица и смуглая кожа выдавали в нём чужеземца. Особое же внимание местных привлекали странные украшения незнакомца. Несколько связок из различных по размеру и цвету бусин, по форме напоминавших зубы каких-то животных, обвивали запястье его левой руки. Ещё пара нитей выполненных в том же стиле бус выглядывали в широкий разрез накидки.

– Не проходите мимо! – окликнул Дару приветливый го-

лос одного из торговцев. – Я вижу, вы знаете толк в необычных украшениях, у меня вы сможете найти самые лучшие работы здешних мастеров и не только.

Редко кто в этих местах решался так непринуждённо заговорить с чужеземцем, и потому Дару не стал отказывать столь любезному лавочнику.

– Заходите скорее сюда! Да не стесняйтесь, прямо ко мне за прилавок. Иначе вас просто сметут в этом нескончаемом потоке. Меня зовут Айхари, и таких украшений как у меня вы нигде не сыщете. Вот этот перстень, например, мне достался от бродячего торговца из Чёрных Земель.

Дару сделал примирительный жест руками, пытаясь остановить торговца и вставить хоть слово.

– А, понимаю-понимаю, вам нужно что-то поинтереснее, – не унимался Айхари.

Жизнь струилась в каждом движении этого молодого обаятельного лавочника. Та самая первородная жизнь, дарованная каждому при рождении и так быстро сгорающая в безжалостном огне тысяч мелких несознаваемых действий.

Дару печально улыбнулся, наблюдая за пылающим внутри Айхари пламенем и сравнивая его со своей грудой тихо тлеющих углей.

– Как насчёт набайского ожерелья? Думаю, оно будет хорошей заменой вашим бусам.

Не переставая улыбаться, Дару отрицательно покачал головой:

– Я пока не готов с ними расстаться.

– Да, конечно, это ожерелье не идёт ни в какое сравнение с вашим комплектом. Позвольте узнать, где изготавливают такие причудливые украшения?

– Это не совсем украшение... – задумчиво протянул Дару.

– Тогда что же? – Айхари пристально рассматривал разнообразие бусин в одной из связок. – Знак отличия? Память?

– Память? Пожалуй, что так.

Дару устало облокотился о прилавок и, бережно перебирая бусины на запястье, начал свой рассказ:

– В былые времена люди жили небольшими общинами под управлением вождей. В одних племенах их выбирали, у других правление передавалось по наследству в порядке старшинства. Но так или иначе людям всегда хотелось, чтобы власть была справедливой, а новый вождь не повторял в своих решениях ошибок предшественников.

Поэтому многие годы жрецы из разных племён бились над решением, казалось бы, непосильной задачи: как передать многообразие накопленного вождями опыта их будущим преемникам. И вот однажды капризная природа уступила им одну из своих бесчисленных загадок: зуб мудрости вбирал в себя знания на протяжении всей человеческой жизни.

Тогда жрецы смогли создать особый ритуал, во время которого весь прожитый опыт, заключённый в зубе погибшего вождя, переходил к новому правителю общины.

Вскоре ритуал прочно укоренился в культурах множества племён. Все были уверены, что такая преемственность принесёт только процветание и укрепление мира соседствующих общин.

Однако люди есть люди. Нередко случалось, что воинственные племена, вознамерившись поработить общину,

обезглавливали их предводителя и уносили с собой его голову, тем самым разрывая многовековую цепь передачи опыта. Редкие племена выдерживали такой удар. Ведь как можно полагаться на нового лидера, если он лишён знаний предков. Междоусобицы съедали обезглавленные общины, и их земли растаскивали более сильные соседи.

Но не только племена теряли своих предводителей...

Однажды вождь одной из общин отправился на переговоры с соседями. Они успешно обсудили совместные планы, и ничего не предвещало беды, когда он возвращался домой.

Увы, родные земли встретили его страшным горем, не знавшим предела. Горное племя вознамерилось убить вождя лежащих у подножия земель, но, не найдя правителя в его жилище, нападавшие разгромили и сожгли всё вокруг. Мирное поселение было полностью разграблено, а соплеменники жестоко убиты.

Видя обезображенные тела родных ему людей и догорающие остовы их хижин, вождь решил на единственное, что могло хоть немного унять переполнявшую его невыносимую боль.

Погибшее племя лишилось будущего, но его прошлое ещё можно было спасти.

Обескровленный правитель, омывая лица убитых своими слезами, забрал у каждого по зубу и воспользовался ритуалом предков, чтобы создать бусы памяти, наполнившее его всеми радостями и страданиями соплеменников. Унося в се-

бе всё многообразие красок прошлого, он отправился странствовать в бесцветное, не имеющее смысла и цели будущее.

Шли годы... десятки лет... Вождь по-прежнему скитался по свету, а время, словно пытаясь загладить вину за страшные события давно минувших дней, совсем не старило его.

Он часто размышлял об этой странной милости, дарованной ему неумолимым, безразличным ко всему временем. Иногда вождю казалось, что это проклятие, которое он навлек на себя, злоупотребив священным ритуалом, и теперь он обречён на вечную жизнь в раскаянии за свою дерзость.

Бесконечные потоки мыслей, крутые берега сомнений... истина всплывает внезапно, главное – не отчаяться и не закрыть глаза.

Потребовалось много лет, чтобы постигнуть неведомую никому прежде сторону ритуала. Помимо нажитого опыта, с зубами убитых соплеменников к нему перешли и годы, которые они не успели прожить. Это открытие помогло вождю обрести новый смысл жизни.

Теперь его странствия преисполнились целью. Он стал путешествовать в поисках уничтоженных племен, собирая и храня их воспоминания. Он захотел стать Памятью Мира...

Голос Дару затих, а сам он стоял и удручённо качал головой, смотря куда-то сквозь вереницы проходящих мимо людей.

– Этим вождем были вы? – осторожно спросил Айхари, не в силах сдержать любопытство. В его глазах застыла смесь

удивления, испуга и восторга.

Дару с грустью заглянул в глаза растерянного лавочника:

– Знаешь, я уже давно не пользовался ритуалом. Хватило всего несколько веков, чтобы разочароваться во всём этом. Конечно, по началу было больно признавать, что память прошлого ничего не значит и бесполезна для будущих поколений. Людям нравится повторять одни и те же ошибки, и с этим ничего не поделать. Будь ты хоть Памятью Мира, хоть Гласом Небес...

– Почему ты без страха рассказываешь такую поразительную историю?

– Потому что в неё все равно никто не верит, – усмехнулся поникший Дару.

Печальный странник уже собирался оставить изумлённого торговца наедине с переполнявшими его мыслями. Но, заметив, что его странный гость уходит, Айхари поспешил протянуть ему руку и спросил:

– Куда же ты отправишься теперь?

– Я сильно устал и просто доживаю чужие годы. Однажды, в одном из бесчисленных странствий, ко мне подкрадётся старость, и тогда я смогу спокойно закончить своё долгое путешествие в каком-нибудь небольшом городке.

– Когда поймешь, что у тебя осталось мало времени, приходи. Я с честью приму твою реликвию.

– Зачем тебе это?

– Мне всегда хотелось узнать людей получше, – улыбаясь

ответил Айхари.

Оставленные

Пролог

Из тускло освещённого грота на краю небольшого приморского города доносились несколько неестественных, приглушенных голосов.

– Где бывшие поклонения, где щедрые жертвенные подношения?!

– Похоже кого-то обуяло тщеславие...

– НЕТ! Я просто хочу, чтобы нам воздавали должное.

– А я, может, хочу оставаться в тени бесславия.

– Брось этот насмешливый вздор! Сейчас не то время...

– Так зачем было столь настойчиво добиваться моего участия, если вы даже между собой ничего не уладили?

– Не обращай внимания на это нелепое плутовство, нам и правда нужна твоя помощь.

– Непривычно видеть тебя просящим. Я готова помочь вам, условия ты знаешь.

– Поверь, никто не останется обделённым, я лично этим займусь... только вложи часть своих сил.

Голоса утихли на рассвете, оставив потухшую глазницу
гота в тишине дожидаться лучей восходящего солнца.

Росток

Орест не спеша расхаживал по небольшому полуподвальному помещению и размеренно смахивал пыль с простой, грубо сделанной мебели. В косых лучах солнечного света, струящихся из редких окошек под потолком, было видно, как потревоженные пылинки своенравно возвращаются на прежние места. Но такая, кажущаяся со стороны тщетной, работа нисколько не огорчала Ореста. Он честно выполнял свои обязанности даже в отсутствии гостей. Это давало ему уверенность, что таверна, унаследованная им от отца, не подведёт, хоть количество посетителей и свидетельствовало об обратном.

Пол под ногами то и дело поскрипывал, точно помещение общалось с заботливым хозяином. Орест был одинаково рад и тихим неспешным дням, растворявшимся в суете мелких забот, и шумным напряжённым вечерам, наполненным работой. Он любил эту жизнь и мог без сомнения назвать себя счастливым человеком.

Входная дверь протяжно завывала, приветствуя неожиданного гостя. Редко кто из здешних захаживал в таверну раньше полудня.

На пороге появился седобородый старик. Тело его с головой укрывали запылённые складки выцветшей ткани, а в крепких, жилистых руках он держал небольшой керамиче-

ский горшок с чахлым растением, напоминавшим асфодель.

– Чем могу быть полезен? – услужливо начал Орест.

– Мне бы поесть – гулким басом прогремел незнакомец.

– Сожалею, но моя жена ещё не готовила ничего горячего.

Так рано у нас не обедают. Но могу предложить...

– Хлеба и немного вина, – прервал его старик. – Только денег у меня совсем нет.

– Как же так? – растерялся Орест. – Простите, но я не могу бесплатно раздавать еду.

– Я хорошо это понимаю, поэтому предлагаю в качестве уплаты этот цветок.

Орест посмотрел на неприглядное растение. Слабый стебель, поникший под тяжестью нескольких небольших бутонов, пара пожухлых мелких листьев у основания – казалось цветок вот-вот погибнет.

– Не смотри, что он выглядит так неважно, – заметив взгляд торговца, заговорил старик. – Мы слишком много прошли вместе. Сейчас ему нужен хороший уход. Скоро должны распуститься бутоны и тогда, поверь, тебе никогда не захочется расставаться с ним, настолько прекрасны его цветы. Они подарят тебе настоящее счастье.

– Я и так счастлив. Цветок мне совсем ни к чему.

– Тогда подаришь его своей жене, пускай осчастливит её.

– Но она тоже...

– Вечно он всё решает за меня, – раздался голос незаметно вошедшей Елены. – Почему ты до сих пор не обслужил гостя.

Всё приходится делать самой. Присаживайтесь, пожалуйста, и поставьте ваш горшок, вам же, наверно, тяжело.

– Благодарю, вы так добры, – сказал старик, ставя цветок на стол. – Мне уже пора в путь, только бы немного хлеба и вина в дорогу. Денег у меня нет, а ваш муж отказывается взять в качестве платы цветок.

– Я... – попытался вставить слово Орест, но тут же был прерван.

– Никакого почтения к старшим! – воскликнула Елена, направляясь к корзине с хлебом. – Человек тебе последнее отдаёт, а ты... и как не стыдно?!

Елена наскоро собрала, что было под рукой и, торопясь, протянула корзину с едой и кувшином вина старику.

– Извините, что так мало. Таверна у нас небогатая, сами видите.

– Благодарю. Я уже и не надеялся, что на свете остались такие щедрые люди, – с этими словами старик бережно взял из рук хозяйки корзину и направился к выходу.

– Доброго пути, если будете ещё в наших краях обязательно заходите. – прокричала Елена ему вслед.

– Глупец! – набросилась она на мужа, как только старик затворил за собой дверь. – Кто так обращается с путниками?

– Если мы будем одаривать так каждого бродягу, то вскоре самим придётся скитаться в поисках милостыни, – недовольно ответил Орест.

– Не похож он на обычного попрошайку... – загадочно произнесла Елена, взяв за края цветочный горшок. – Надо бы на солнце подставить, а то совсем зачохнет.

Женщина понесла цветок поближе к окну, но вдруг громко вскрикнула, чуть не уронив горшок.

– Что случилось?

– Перехватилась неудачно и ладонь порезала.

– Сильно?

– Да, дай чем-нибудь руку замотать. Я даже овощи ещё не успела почистить. Пойдём, будешь помогать. И полей цветок перед уходом, а то совсем завянет.

Со сколотого края горшка кровь Елены медленно стекала на высохшую землю и, не впитываясь, ползла прямо к увядшему стеблю.

Орест набрал воды и, размышляя о странном бродяге, нарушившем привычный распорядок дня, подошёл к цветку.

– Елена! – громко позвал он супругу, чьи шаги ещё были слышны на лестнице.

– Что такое? – не спускаясь, отозвалась она.

– Один бутон распустился, иди скорее! Он... прекрасен.

– И давно ты полюбил цветы?

Но когда Елена увидела это крошечное чудо, она поняла, что нельзя было устоять перед столь притягательной красотой. Шесть небесно-голубых лепестков раскинули свои объятия вокруг яркой, точно июльское солнце, сердцевины. От

неё по лепесткам алыми лучами расходились изящно переплетённые линии. Один вид этого маленького цветка заставлял позабыть обо всём на свете, сопротивляться его очарованию было невозможно.

Елена ощутила, как её переполняет неведомое прежде чувство. И чем пристальнее она всматривалась в огненно-рыжий центр небесного хоровода, тем сильнее начинало струиться бархатное тепло по её телу. Цветок смотрел на неё в ответ любящим и всепонимающим взглядом крошечного ока, разросшегося до размера вселенной.

– Ты тоже видишь это? – в полузабытьё прошептала она.

– Да... – еле слышно ответил Орест.

Бережно укрытые от всего мира красотой цветка, они не заметили, как начало смеркаться и очнулись, лишь когда очертания лепестков растворились в темноте, наполнившей таверну.

– Сколько же времени прошло? – пришёл в себя Орест. – Люди, наверное, решили, что мы сегодня не работаем. Нехорошо это, у нас и так посетителей немного.

Елена ещё продолжала наслаждаться остатками безмятежной опустошённости и не отвечала на рассуждения мужа.

– Этот цветок – далеко не обычная асфodelь, – Орест суетливо зажигал лампы по всей таверне. – Надо было как следует расспросить о нём старика...

– Ты его так и не полил, – с укором заговорила очнувшаяся Елена. – Посмотри, ему совсем плохо. Даже цветок опять

закрылся. Куда ты дел кувшин? Я полью сама.

В дверях появились трое мужчин, они оживлённо спорили и, не обращая внимания на растерянных хозяев, заняли один из угловых столов.

– Неси закуски и побыстрей, – шепотом приказал Орест жене, – иначе от нас последние гости разбегутся.

Повседневные заботы вновь заявили о себе, и вечер приобрёл привычный суетливый облик.

Укрывшись вуалью из полутеней, цветок устало дожидался своего часа.

Первые побеги

Второй день Орест невольно наблюдал за странным растением. Цветок, казалось, занимался тем же. Хозяйина таверны не покидало ощущение, что как только он отводит взгляд от желтоватого морщинистого тела в горшке, растение незаметно приоткрывает один из своих сочных, упругих бутонов и украдкой выглядывает из него единственным алым глазом. В этом невидимом взгляде чувствовался укор, какая-то почти детская обида. Цветок настойчиво чего-то требовал, но что именно ему было необходимо, Орест понять не мог. Ежедневно он поливал ненасытную землю в горшке, протирал от пыли пожухлые листья, переставлял на самые освещённые места в таверне, но всё было тщетно – цветок продолжал увядать.

– Что же я делаю не так? – растеряно бормотал Орест, когда на лестнице послышались торопливые шаги.

– Опять бездельничаешь? – с порога начала Елена.

– Может, он уже погиб, – словно не заметив появление жены, продолжал вслух рассуждать Орест. – А что, если попробовать его пересадить?

– Ты всё с этим цветком несчастным мучаешься? Не нравится ему у нас, вот и не растёт. Лучше пойдём, поможешь мне утку ощипать, а то я на кухне сегодня совсем не успеваю.

– Да, сейчас приду, – задумчиво ответил Орест.

– Пошли, хватит тут сидеть, – Елена подошла и уверенно схватила горшок испачканными кровью птицы руками. – Отнесу его наверх, там солнца побольше, может, оживёт.

– Да, тут ему совсем плохо.

– Жду на кухне, – сказала, уходя, Елена.

Быстрыми шагами она поднялась по лестнице и, приоткрыв дверь, вышла на улицу. Мальчишки, игравшие на углу дома, и идущие мимо прохожие как-то странно смотрели на неё, пока их взгляд не останавливался на цветке. На несколько мгновений люди пугающе замерли, а затем их лица исказили неестественные улыбки, и они безмолвно двинулись в сторону Елены.

Асфодель вновь зацвела, вобрав в себя кровь с рук бережно державшей его женщины.

Орест нехотя запирает внутреннюю дверь, когда за спиной раздались торопливые шаги.

– Не закрывай, – испуганная женщина взволновано дышала. – Нам нужно запереться изнутри!

Орест недоумевающе смотрел на Елену открывая дверь.

– А что случилось?

– Люди на улице они... они увидели цветок и точно обезумели.

– Глупости, тебе, наверное, померещилось, – попытался успокоить жену Орест.

Несколько пар ног затопали по лестнице.

– Слышишь?! Это они! Закрывай скорее!

– Ну уж нет. Я не собираюсь терять посетителей из-за того, что тебе привиделась какая-то ерунда. И поставь наконец этот цветок! Что ты в него вцепилась?

Елена послушно опустила горшок на дальний столик, испугано оглядываясь на мужа и открытую входную дверь.

На пороге стали появляться люди. Они останавливались в проходе и растерянно осматривали зал. Не замечая цветок, некоторые, выглядывавшие из-за спин впереди стоящих, разочаровано разворачивались и уходили.

– Что же вы не проходите? – спохватился Орест. – Обед вот-вот будет готов, столов хватит на всех.

– Мы не обедать пришли, – облизывая пересохшие губы, сказал богато одетый старик. – Нам бы посмотреть на тот прекрасный цветок, который только что выносила во двор хозяйка.

Орест с детства помогал отцу в таверне.

Он рано уяснил, что не так важно какого качества твой товар, главное – сколько человек готовы за него заплатить. Таверна и раньше не пользовалась особым успехом. Не было в ней больших светлых залов, аккуратных резных столиков, дорогих изысканных вин и музыки по вечерам, как в других заведениях города. Но в последнее время дела пошли совсем плохо. Оресту было нечем привлечь пресыщенных, взыскательных гостей.

А теперь на одном из столиков стоял цветок, одним своим видом заставлявший зажиточных горожан спускаться под своды полуподвальной неприветливой таверны. Орест не мешкал.

– Цветок? Конечно. Закажите обед, присаживайтесь за любой столик и смотрите сколько угодно.

Цена обеда никого из новых гостей не интересовала. Они, не задумываясь, щедро платили в три-четыре раза больше обычной стоимости. Мистическая красота загадочной асфодели обесценивала любые монеты.

– А можно вынести цветок на свет, в центр зала, – попросил вошедший одним из последних юноша.

– Конечно, присаживайтесь, сейчас всё сделаем.

Орест жестом позвал жену, и они аккуратно понесли стол, украдкой разглядывая алые прожилки на пленительных бутонах.

– Кажется, он опять увядает, нужно полить его как следует, – забеспокоился Орест, увидев жадные взгляды рассеявшихся гостей, – они пришли сюда не на засохшие лепестки любоваться.

– Орест, – испугано зашептала Елена, – мне кажется... я не знаю...

– Говори уже, – поторопил её муж.

– Он цветёт, лишь когда напитается кровью.

– Что!? Что за глупости ты придумала?

– Отойдите в сторону! – раздался голос с дальних столиков. – Не видно ж ничего.

– Послушай, мне неважно, чем ты будешь его поливать, – отходя от цветка, громко шептал Орест, – водой, вином, кровью; главное, чтобы он не переставал цвести.

– Всё это как-то зловеще. Мне страшно.

– Мне тоже страшно. Страшно, что делу всей моей жизни грозит разорение. И, кажется, только с помощью цветка я могу это предотвратить. Поэтому заруби ещё одну утку, полейте это кровожадное растение и готовь ужин. Думаю, в таверне сегодня будет не протолкнуться.

Елена покорно ушла выполнять указания мужа, а он остался наблюдать за очарованными асфоделью гостям. Они расселись полукругом, чтобы лучше видеть раскрывшиеся

бутоны и, неотрывно смотря на цветок, лишь изредка обменивались короткими фразами. Обедать никто не желал, несмотря на уплаченные деньги, зато многие охотно соглашались выпить вина, рассчитываясь за него отдельно.

Очень скоро Елена вернулась из кухни. Не закрывая обзор гостям, она аккуратно вылила в горшок полкувшина крови, стараясь делать это максимально непринуждённо и незаметно. Но никто и не обращал на неё внимания. Все замороженно наблюдали за тем, как, напившись, цветок распускает новый бутон.

Асфодель полностью овладела сознанием гостей. Они погрузились в странный грёзоподобный транс, в котором прошлое бесследно растворилось, не оставив тягот и сожалений, будущее утратило значение и больше не волновало своей неопределённостью и лишь настоящее не ускользало, как прежде, а струилось со всех сторон мягким тёплым светом.

Нечаянные прохожие, заходя в таверну, уже не могли покинуть этого места. Они готовы были платить любые деньги, лишь бы получить возможность подольше оставаться подле очаровательной асфодели, дарующей своей красотой мнимую свободу.

Таверна закрылась под утро. Яркие лепестки вновь собрались в упругие бутоны и, потеряв зрительный контакт с цветком, опустошённые люди в полузабытьи стали расходиться по своим домам.

Уставший Орест не спеша задвигал за гостями стулья и га-

сил лампы. Произошедшее не переставало казаться ему затянувшимся сном или чьим-то коварным обманом. Он в который раз пересчитывал в голове прибыль: за один этот странный день ему удалось заработать больше, чем за несколько недель обычной работы.

Цветение

– Это не обычный храм. И хоть он и расположен на окраине города, в зале бывшей таверны, только там человек может познать истинное счастье. Потому что с недавних пор в этом месте находится самый настоящий божественный дар – цветки священной асфодели. Их явил этому миру давно позабытый всеми Митра, чтобы напомнить людям о своей доброте и могуществе. Тем, кто принесёт ему кровавую жертву, открывается невероятная красота цветков асфодели, при виде которой отступают все терзания и горести и остаётся лишь восхитительное чувство обретённого счастья.

Наиболее преданным последователям во время мистического транса является сам Митра и открывает тайны мироустройства и земных порядков, после чего они обретают знания, недоступные обычным людям.

Хранителем священной асфодели почитается Орест, принявший Митру в стенах своей таверны, когда тот явился к нему в облике нищего старика, просящего милостыню. Орест щедро одарил его, за что и получил право первым увидеть прекрасные цветки асфодели, а затем открыть этот мистический символ Митры другим людям.

– Отец, но это же наш последний телёнок?! Разве нельзя было пожертвовать несколько уток.

– Я пытался, сынок. Но помощник Ореста сказал мне, что

почитателей стало уже очень много, и если мы хотим доказать свою готовность служить Митре и стать участниками очередной мистерии, то от нас требуется достойная жертва.

– Кровожадность старых богов пугает меня...

Всё было готово к началу мистерии. Люди теснились, стоя на коленях, в стройных колоннах, расходящихся от центра зала подобно солнечным лучам. Глаза каждого были прикованы к свисавшим с массивных стеблей тяжёлым бутонам, готовым раскрыться в любой момент. В растении, вытянувшем свои могучие тёмно-зелёных побеги почти под потолок и пустившем толстые корни сквозь дно деревянной бочки прямо в землю, было сложно угадать слабый, пожухлый цветок, засыхающий в своём маленьком глиняном горшке.

Но Орест хорошо помнил, как прибыльные вечера с одурманенной местной знатью превратились в кровавые ритуалы адептов новой веры.

Он помнил, как ему впервые явился Митра с призывами создать под сводами таверны храм в его честь. Помнил первую мистерию и наступившее тогда неопишное блаженство, превосходившее по силе все предыдущие эйфории. Помнил, как Митра явился самым неистовым последователем и назвал его, ещё недавно позабытого всеми, обнищавшего торговца, хранителем священной асфодели и главным своим жрецом.

Единственное, что казалось Оресту стёртым из памяти –

это то, как вместо нескольких обескровленных в честь Митры гусей у раскинувшихся во все стороны ненасытных листьев оказался почти взрослый телец. Орест тревожно мял пальцами длинные рукава подаренной ему шёлковой мантии, и лишь явление Митры могло его успокоить.

«Я должен спросить у Него, как быть дальше», – размышлял он. – «Ведь если в следующий раз будет заклан бык, то что мы пожертвуем после? Несколько быков? Но это не сможет продолжаться бесконечно...»

Никто не заметил почти бесшумной смерти телёнка от умелых рук его хозяев. Все ждали, когда асфодель омоется кровью и наконец зацветёт.

И вот, напившись вдоволь, сочные бутоны распахнули перед измученными ожиданием людьми свои лепестки. Зал жадно вздохнул и разом погрузился в безмятежное блаженство.

Сознания десятков последователей сливались в единое целое в быстрых водах безбрежного наслаждения, пока их беспомощные тела мерно покачивались, окружив священное растение.

Асфодель благосклонно смотрела на них десятками огненных глаз Митры, но сам он уже ни к кому не являлся. Людям достаточно было знать, что за ними наблюдают, и получать мистическое забвение в обмен на жертвенные подношение.

Орест был последним, кто нуждался в ответах.

Листопад

Третья мистерия подряд проходила под недовольный шёпот коленопреклонённых прихожан. Вместо водоворота счастья и наслаждения они получали лишь лёгкое полузабытьё, которое не могло сдержать натиска терзавших их будничных проблем.

Кровь нескольких овец лишь немного приоткрыла сонные бутоны капризной асфодели. Люди отчаянно пытались разглядеть в глубине неплотно сомкнутых лепестков хотя бы край пылающей алым сердцевины. Но всё было тщетно. Ненадолго погружаясь в сладкую дремоту, они резко приходили в себя, потеряв из виду крохотную частицу сокрытого в бутоне таинства.

Все понимали, что Митра перестал принимать их жертвы, и всеми силами пытались вернуть его прежнюю милость. При участии влиятельнейших участников мистерий были наняты лучшие мастера, чтобы по достоинству украсить зал священного храма. Особые надежды возлагались на роскошные полы из цветного мрамора, но Митра оказался холоден к земной роскоши. Тогда для принесения в жертву стали отбирать самых лучших животных в провинции, а к мистериям допускать только самых знатных и уважаемых граждан. Но и это не принесло успеха.

– Что же мы делаем не так, Великий Жрец? – вскрикнул

уоставший стоять на коленях состоятельный старик-торговец.

Оресту не нравилось, когда к нему обращались, упоминая его титул. Он раздражённо посмотрел на старика, дерзнувшего прервать мистерию своими выкриками, но ничего не ответил.

Тогда зал наполнился шумом недовольных голосов. Некоторые начали вставать и выкрикивать свои вопросы и претензии оказавшемуся беспомощным жрецу.

У Ореста не было ответов, как и не было сил заставить асфодель зацвести. Он хорошо понимал, что, если Митра не проявит свою милость, из храма его никто не выпустит. Ибо кто, как не Великий Жрец, несёт ответственность за несостоявшиеся мистерии.

Орест едва заметно подозвал всегда стоящую позади, у стены, Елену. Увидев хорошо знакомый жест мужа, она пошла к нему, аккуратно протискиваясь меж рядами готовых взбунтоваться адептов.

– Уходи поскорее отсюда, похоже Митра оставил нас, – быстро зашептал на ухо жене Орест.

– Я... – попыталась ответить Елена, но внезапно опустилась на колени и, запрокинув голову, стала исступлённо смотреть куда-то выше его головы.

Испуганный Орест оглянулся и увидел, что бутоны начали распускаться, а, открывшись полностью, принимались закрываться вновь. Полтора десятка цветков пульсировали в непостижимом ритме, подчиняя себе волю присутствовав-

ших в зале.

Прежде их глаза никогда не выражали такой жадной злобы. Они требовали от Ореста решительных действий. Им было необходимо забвение.

– Ну же Орест! Митре нужна великая жертва! Жертва, достойная Хранителя! – кричали они, обступая его со всех сторон.

Елена продолжала стоять на коленях перед большим бутоном, закатив глаза и немного подрагивая в эйфории.

Жертва была выбрана, и теперь толпа суетилась, предвкушая кровопролитие во славу их бога.

Множество рук хлопали Ореста по спине, подбадривая и призывая к действию. Кто-то вложил в его ладонь кинжал.

Гомон голосов и калейдоскоп из восхитительных цветов лишали Ореста воли. А его последняя надежда – Митра – так и не появлялся.

Больше не в силах сопротивляться, он подошёл к Елене и занёс над ней остриё кинжала. Не выходя из транса, она на мгновение посмотрела прямо ему в глаза, словно моля покончить с этим запретным экстазом. Немолодое лицо Елены вдруг показалось Оресту самым прекрасным, что есть на земле, даже красота асфодели не могла с ним сравниться.

Но недовольная толпа, желая восстановить нарушенную связь с древним божеством, продолжала требовать великой жертвы.

И вот листья асфодели обагрила кровь. Немыслимое блаженство овладело сознанием присутствовавших, погружая их в вожденное беспамятство.

Откинув расшитый золотом занавес, под своды небольшого, но роскошного зала вошёл крепкий седобородый старик. На этот раз его рука, скрытая в складки выцветшей ткани, крепко сжимала остро отточенный серп.

Он уверенно шёл по застывшим в эйфории телам, которые выстилали весь пол ненавистного ему храма. Он пришёл совершить расплату.

Быстрыми и уверенными движениями он рассекал волокнистую, истекающую ярко-жёлтым липким соком плоть асфодели. Старик методично разрезал листья, откидывая их в сторону вверх лежащих друг на друге тел. Затем он принялся расчленять высокие стебли. Особое же внимания он уделял цветкам. Их старик тщательно кромсал на мелкие кусочки, шепча какие-то странные древние проклятия.

Наконец, расправившись с побегами асфодели, он одним ударом ноги расколол алтарь, разорвав укрытые в нём корни.

– Я закончил Митра! – прогремел он раскатистым басом. – Выходи! Ты следующий!

– Знаешь, я предпочту остаться в тени, – раздался со всех сторон звонкий голос Митры. – Но, если ты вдруг хочешь мне что-то сказать, я готов послушать немного твоих глупостей.

– Мы хотели вернуть почтение достойных, отчасти подобных нам людей! – захлёбываясь гневом кричал старец. – А ты сделал их рабским стадом, которое ежедневно пускает реки крови, иступленно восхваляя твоё имя, чтобы получить постыдное для человека беспамятство. Такая вера ничего не стоит!

– Правда? Ради этой веры жертвуют жизнями дорогих тебе, достойных людей. Так что цена, выходит, очень даже вы-

сокая.

– Замолкни! Ты предал наш союз с Деметрой и, если бы не твои трусливые уловки, я разрезал бы тебя на куски и скормил волкам.

– Довольствуйся тем, что есть. Ты и так покарал меня, лишив этой очаровательной асфодели.

– Я не поднял бы руки на это прекраснейшее из детищ Деметры, если бы ты не использовал его в своих коварных целях.

– Оставь свои пустые речи, Кронос. Ты наивный, никому не нужный старик, вот и всё. Твой план был хорош, но ты в нём был лишним.

Вообще, беседы с тобой очень утомительны. Так что прощай, надеюсь, больше не встретимся.

В бешенстве Кронос сдернул расшитую золотом штору и, гневно растоптав её, вышел из таверны.

Эпилог

Глазница грота озарилась мягким светом. В глубине пещеры вновь слышались голоса.

– Я покончил с поклонением Митре, – самоуверенно заявил Кронос.

– Неужели? – недовольным голосом спросила Деметра. – Теперь бесчисленные мистерии в честь Митры проводят по всей провинции!

– Не может быть! Я же уничтожил объект их поклонения!

– И это лишило людей привязанности к одному месту. Теперь они ищут милости Митры, принося кровавые жертвы где им вздумается.

– Он обманул нас, и мы должны отомстить ему за это!

– Нет, с меня хватит! Тебе, похоже, пора на покой.

– А ты? Что же будет с тобой!?

– Я ещё что-нибудь придумаю. Только на этот раз уже без тебя.

Свет погас, и ущелье наполнилось привычной ночной тишиной.

Когда перестанут гореть фонари...

– Не смотри так на меня, пожалуйста. Можно подумать, я каждый день прихожу к тебе с подобными разговорами. Просто, понимаешь, мне больше не с кем такое обсудить. Я знаю, как ты не любишь всякие такие штуки...

А, прости, задержал. За дружбу! Эх, хорошо пошла. Ну, теперь к сути дела.

У тебя же есть такой фонарь? Ох, проклятая сумка... Можешь не отвечать, я и так знаю, что есть. Да не кивай ты так растерянно. Мне, может, и четвёртый десяток, но на память пока не жалуюсь.

Ты свой, небось, где-то на чердаке или в кладовке запрятал или вообще выкинул за ненадобностью во время очередной уборки. Принял его за старый ненужный хлам и, как обычно, в своём репертуаре.

Ладно, мой вот тоже не знаю, как уцелел. Смотри, на нём места живого нет: краска везде облупилась, стёкла все затёртые, одно вообще треснуло – еле держится. Даже ручка и то умудрилась сломаться, а она ж из чугуна литая!

В общем, не знаю, что с ним было и где он умудрился изнашиваться. В последний-то раз, когда я его в руках держал, он был совсем новехонький! Хотя это лет двадцать назад было...

Так вот, на той неделе собрался я крышу подлатать и ре-

шил для начала прибраться на чердаке. Стал, значит, мусор всякий оттуда выгребать, а эта дурында чугунная возьми и треснилась на меня с какой-то полки. Чуть череп не проломила! Может, тогда стекло и треснуло... не суть.

Смотрю – это фонарь какой-то, допотопный и тяжеленный, как будто и не ручной совсем. Я ради интереса вышел к свету – рассмотреть его получше. Дай, думаю, открою. А он проржавел весь, скрипит – ну, кое-как справился...

Ага, понял. Давай за то, чтоб всё у нас было хорошо! Ух, что-то резковато, ты трохи меньше в следующий раз лей.

Так вот, открываю я этот фонарь, а там всё в копоты, пепел какой-то на дне, угольки – черте что. Дай, думаю, пальцем всю эту труху вытряхну и гляну, может, он ещё на что-нибудь сгодится.

Ну, я раз – и обжёгся! Смотрю получше-то, а там кроха какая-то до сих пор еле-еле тлеет.

Ты на стол разлил, хех.

Я тогда тоже струхнул, думаю, что за чертовщина – я на чердаке года два уже не был, откуда там мог взяться зажжённый фонарь?! И тут я вспоминаю про эти наши фонари из детства.

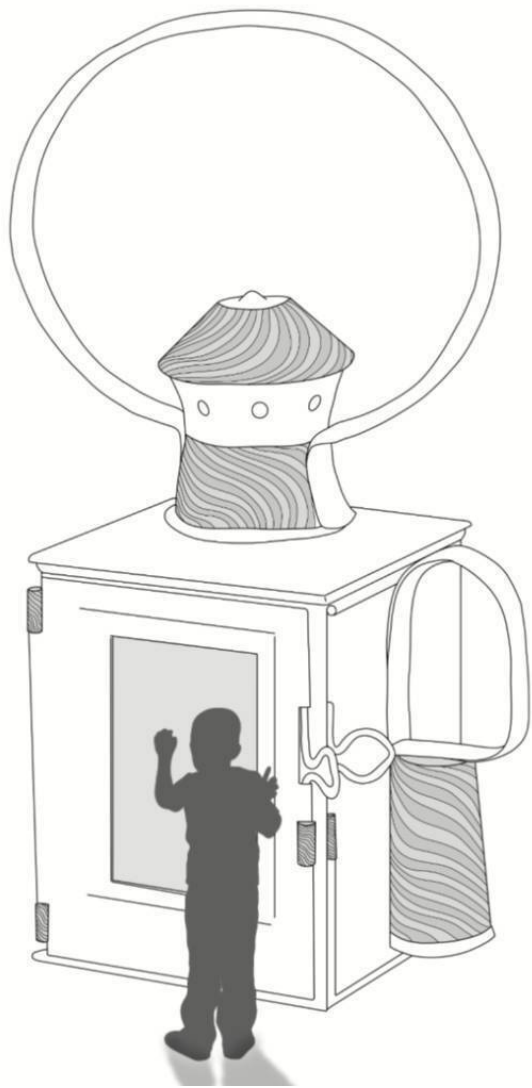
Нет-нет-нет! Не делай опять вид, что ты ничего не помнишь. Давай третью за былые годы, может, она тебе память освежит.

Ну, вспомнил? У всех ребят из нашей ватаги такие были, да и у других, по-моему, тоже. Только они тогда какими-то

совсем лёгкими казались, а этот-то – попробуй. Да не бойся – он не кусается и даже не обжигает, если пальцы в огонёк не совать, хе.

Скажи же, как бревно по весу? Даже странно, как мы такую тяжесть малыми таскали.

Но мы их и в лес с собой брали, и на горку зимой. Летом вообще постоянно, когда на круче собирались после заката. Поставим их в кучу, вокруг усядемся и давай истории всякие, сказки там, страшилки, кто чего знает, рассказывать. А огоньки в фонарях пляшут, большие такие, не то что сейчас. И тепло от них такое... доброе исходило. Нам и костёр никакой не был нужен...

Самое время, думаю, и за чудо пропустить. Уф, подай-ка хлебушка.

И, понимаешь, я стоял, все эти чудеса вспоминал, смотрел на этот облезлый фонарь, который у меня остался, и не знал даже, что мне делать. Так захотелось вернуть это полузабытое чувство постоянного волшебства. Или даже не волшебства, а какой-то светлой мечты, заветного желания что ли, которое вот-вот исполнится. Надо только чуть-чуть подрасти, и точно дотянешься до того, что загадал ещё малышом. Сейчас ничего такого уже, вроде как, и не осталось...

Не согласен? Ну, скажи мне тогда, о чём ты мечтаешь? А что делаешь для исполнения мечты? Вот о том и речь.

Это всё точно исчезло... ну или почти. Как этот огонёк.

А ведь это несбыточное, на первый взгляд такое нереальное, было частью нас, самых что ни на есть настоящих и реальных нас. Выходит, куска меня уже и нет... да к тому же я сам его от себя и отрезал.

Так мы, наверное, и исчезаем по частям. Смотришь, а ты уже только ешь да пьёшь и всё на этом – больше-то ничего и не осталось. Страшно как-то.

Давай ещё по одной...

Всю прошлую неделю я спать спокойно не мог. Ломал себе голову, как бы этот фонарь разжечь. Просто же щепок подкинуть или масла залить в него нельзя – он же не так устро-

ен – горит всё так же, только пламя становится хуже видно. В детстве-то мы ничего туда не подкладывали, мне бы хоть один случай да вспомнился, а полыхали у всех эти светильники – будь здоров!

Самое печальное, что я совсем не помню, откуда мы эти фонари брали, хотя они были почти у всех детишек. Не думаю, что родители стали бы малышам такую странную игрушку покупать: там же огонь внутри – и обжечься можно, и чего ещё похуже.

Раздавал нам их кто-то? Тоже вряд ли – ничего такого в памяти не всплывает. А у тебя? Вот и говорю – совсем непонятно выходит.

И спросить-то ведь не у кого. Родителей уж нет давно, из детства все – кто поразъехался, с кем не общался уж сто лет – так запросто в гости и не зайдёшь, как к тебе. Ты у меня один и остался, да тоже ведь только куски из юности помнишь.

Как его разжечь? Ума не приложу...

Последний раз, помню, я подруге своей на струнах играл, песню сам сочинил, а фонарь рядом стоял, вроде как для романтики. Горел он тогда на славу, аж светляки слетелись. Но струны я позавчера пробовал перебирать, куплеты старые повспоминал. Только не реагирует он теперь на музыку, да и я сам, если честно, тоже... в тягость оно как-то стало. А раньше ведь так нравилось!

Любил я эти мелодии всей душой. Даже музыкантом хотел стать, на жизнь себе по копейке зарабатывать... да где там.

Песнями себя не прокормишь...

Выпьем за молодость, дружище! За то, чего мы навсегда лишились.

Знаешь, мне прошлой ночью такая мысль пришла... пугающая. Я потому и решился пойти к тебе и всё рассказать. Что если этот огонёк – наша жизнь? Ну, вроде как, сколько нам отведено. А как он потухнет, так и всё, конец.

Я смотрю на этот уголёк, вспоминаю детское пламя, и мне кажется, я со дня на день должен преставиться. Жуть, да и только.

Ну что? Не чокаясь, за тех, кого с нами нет!

Ох, грустно обо всём этом думать. И не знаю, надо ли...

...

Смотри! Кажется, он малость разгорелся!

За это можно и выпить!

Хотя нет, постой, а то, может, мне от выпитого и кажется, будто всё начинает налаживаться. Ну его, давай обождём немного. Ты мне лучше расскажи пока про свой фонарь. А то я всё о себе да о себе.

Твой-то, поди, должен полыхать, как прежде. Оттого ты так и стушевался, когда я свой огарок на стол выставил? Не хотел меня расстраивать, да?

Понимаю-понимаю, дружище. Спасибо, конечно, за заботу, но хватит уже таить своё сокровище. Неси его сюда! Может мы от него и мой фонарь прикурим, хех

– Мой давно потух.

Куда же ты ушёл?

– Эй, мужчина, что случилось?!

В нескольких шагах от тропинки, так чтобы его было видно с дороги, у небольшого дерева стоял аккуратно одетый человек лет сорока. Он растерянно оглядывался по сторонам, словно обращались не к нему, и посторонние звуки просто отвлекали его, не давая сосредоточиться на чём-то очень важном. Как только отзвуки чужого голоса окончательно терялись среди деревьев, он снова принимался ощупывать ствол и крупные ветви невысокой осины, проверяя её на прочность.

То и дело по грузному телу мужчины короткой судорогой пробегала нервная дрожь, заставляя его прерывать осмотр дерева. И всякий раз ему приходилось растирать покрасневшую шею под замятым воротником тщательно выглаженной голубой рубашки, чтобы избавиться от неприятной тяжести, оставленной в мышцах назойливыми спазмами.

– Мужчина! – снова прозвучал приближающийся со стороны зарослей голос.

Сквозь ветки и молодую поросль продирался высокий худощавый парень. Оказавшись прямо перед упорно не замечающим его странным мужчиной, он ещё раз громко повторил:

– Что-то стряслось?

Обратив, наконец, внимание на источник звука и поняв, чего от него добиваются, мужчина оторопел. Он молча рассматривал возникшего, как ему казалось, из ниоткуда бледного юношу. Всклоченная шапка непослушных тёмных волос, заострённые черты лица, застывшая на губах полуулыбка, свободная неприметная чёрная одежда – мужчина тщетно пытался найти в этих деталях какую-нибудь подсказку.

– Что-то случилось? – вновь прозвучал такой простой на первый взгляд вопрос.

– Наверное... – отводя взгляд от юноши, растерянно ответил мужчина.

– Эм-м, это, в смысле, точно произошло или, наоборот, вряд ли?

– Не знаю, – честно признался мужчина.

– Погоди, это как? – оживился парень. – Ты не знаешь, что с тобой произошло?

– Ну, да... Звучит, конечно, странно, но я, правда, не знаю... Совсем не помню, как здесь оказался и... вообще, кажется, ничего не помню. Даже имени.

– Да ладно, брось, так не бывает. Ты ж помнишь, как разговаривать, стоишь вот ровненько, да и вообще не выглядишь каким-то поломанным. Может, тебе кислород в голову ударил?

– Это как?

– Говорят, такое бывает, когда чистым воздухом давно не дышал. А по тебе сразу видно, что на природе ты давненько

не был, иначе бы ты в рубашке и брюках в рощу бы не пошёл.

Мужчина задумался. Он опустил глаза на свои слегка запылённые коричневые туфли, скорее по привычке, чем из-за необходимости отряхнул левую брючину и, почувствовав в своей шее зарождение очередной судороги, попытался расслабиться и, глубоко дыша, расстегнул воротник рубашки. К его удивлению на этот раз дрожь отступила, не успев начаться.

Всё это время юноша стоял, прислонившись спиной к крепкому дубу, и тщательно собирал едва заметные соринки с рукавов своей чёрной футболки.

– И что теперь делать? – после затянувшейся паузы, наконец, спросил мужчина.

– Пойдём, выведу тебя в город. Вдохнёшь пылюки как следует, подвыветришься, восстановишь, так сказать, баланс, – юноша широко улыбнулся, – и вернётся к тебе твоя память.

– Думаешь?

– А то! Не кажешься ты мне безнадёжно потерянным.

Мужчина вопросительно посмотрел на парня, но тот уже успел выйти на тропинку и быстрым шагом двигался вперёд.

– Ты так говоришь, как будто каждый день людей с амнезией здесь находишь, – догнав юношу, сказал запыхавшийся мужчина.

– Ох, поверь мне, я много кого в самых разных местах и состояниях повидал.

– Ты что врач?

– Я?! Да не дай Бог. А ты?

– ... Не зн... Нет.

– Видишь, – радостно объявил юноша, – многоэтажки едва сквозь деревья показались, и ты уже стал давать однозначные ответы о своём прошлом.

– И правда, – удивился мужчина.

Он стал перебирать в уме вопросы касательно его возможной профессии, семьи, возраста, имени, и пытался отвечать на них только да или нет. Но мысли то и дело путались, разбредались в разных направлениях, увлекая за собой, и неизменно уводили несчастного мужчину всё дальше от искомых ответов. От перенапряжения он почувствовал давящую боль в висках и решил ненадолго закрыть глаза, чтобы хоть как-то совладать с неприятной тяжестью, медленно заполнявшей его голову.

Теперь мужчина шёл с полуопущенными веками, лишь изредка сверяя траекторию своего движения с идущим впереди юношей. Боль понемногу стихала, и с каждым шагом вслепую он чувствовал себя лучше.

Ему нравился тихий шелест листвы, неожиданно, но так гармонично прерываемый птичьим щебетом, влажный запах леса, мягко пружинящий дёрн под ногами. Он отчётливо помнил, что любил всё это и раньше, и невольно подумал: «А нужно ли мне вспоминать что-то ещё?».

Словно ответ, раздался голос юноши:

– Вот почти и пришли.

На выходе из рощи тенистая прохлада деревьев начинала уступать духоте жаркого летнего дня, а извилистые лесные тропинки сбегались к асфальтированной дороге центральной аллеи. Мужчина нехотя открыл глаза.

Щурясь от яркого солнца, простиупающего сквозь рваный занавес редяющих крон, юноша повернулся и спросил:

– Ну как? Вспоминается что-нибудь?

– Как тебе сказать...

– Как есть.

– Нет.

– Хорошо. То есть плохо. Попробуй тут вспомни что-нибудь на таком языке! – недовольно добавил юноша. – Давай ещё немного пройдемся.

Мужчина понуро зашагал по разогретому солнцем асфальту вслед за парнем. Дорога спускалась в низину, и очень скоро они оказались на небольшой парковочной площадке. Свободных мест практически не было, и некоторые машины стояли на обочине вдоль дороги.

– Спасибо, что помогаешь мне... – сказал мужчина, поравнявшись со спутником. – Как тебя кстати зовут?

– Паша.

– Спасибо тебе, Павел.

– Как тебе вон та машина? – не обращая внимания на благодарность, неожиданно спросил юноша. – Интересно, что за модель?

– Ты про синюю шевроле?

– Ага, – подтвердил Паша, направляясь к автомобилю.

– Далеко не новая, но видно, что ухоженная, – заинтересованно рассуждал мужчина. – Даже блестит, как будто только что вымыли. Я бы от такой не отказался.

– Ну, так и не отказывайся, – юноша обошёл машину кругом. – Надо же, ни единой царапины. Давай сядем!

– Куда? Ты что шутишь?!

– Да что ты переживаешь! Ты ж всё равно ничего не помнишь, какой с тебя будет спрос?

– А ты?! – ещё больше возмутился мужчина.

– А я ничего не понимал и шёл у тебя на поводу, пытаюсь хоть чем-то помочь в сложившейся ситуации. Кругом одни безрассудные герои и отчаявшиеся пострадавшие. Ни одного злодея. Мы чисты.

– Прекрасно! – засмеялся мужчина. – Только она закрыта. Об этом ты не подумал?

– Ты, значит, ничего не помнишь, но зато точно знаешь, что она закрыта.

– Смотри! – в подтверждение своих слов мужчина уверенно потянул дверную ручку и ахнул от неожиданности, когда дверь с глухим щелчком резко открылась.

Паша демонстративно аплодировал:

– Вот это представление. Бис, маэстро, бис!

– Не может быть, – мужчина продолжал ошарашенно смотреть на распахнутую дверь.

– Да что ты. Разрешешь? – юноша указал на переднее пас-

сажирское кресло.

– Да, конечно, – пытаюсь прийти в себя, машинально ответил растерянный мужчина.

– Но где же мы возьмём ключи? – пробормотал он.

– Я думал, мы только посидеть собираемся, – улыбаясь, сказал Паша и залез в машину.

Юноша громко захлопнул дверь и не услышал, как, по привычке хлопая по карманам, мужчина на мгновение замер и, отерев со лба выступившие капли пота, еле слышно сказал:

– Забыл выложить.

Побледневший мужчина сел в машину, молча завёл двигатель, аккуратно тронулся и не спеша поехал в сторону жилых районов.

Паша с интересом наблюдал за происходящим, но с расспросами не спешил, и обозначал своё присутствие в машине лишь частой сменой радиостанций.

– Может, мне нужно к доктору? – наконец заговорил мужчина – Я, кажется, помню дорогу к поликлинике.

– Ну какие поликлиники, сегодня воскресенье, к тому же праздник. Сейчас не то что врача на рабочем месте не найдёшь, скорой не дождёшься. Иначе, ты думаешь, стал бы я с тобой столько таскаться. Поехали по третьему микрорайону прокатимся, вдруг большое скопление многоэтажек твою память освежит. Дорогу помнишь?

– Вроде да.

– Вот и славно. А я пока попытаюсь найти приличное музыкальное сопровождение для нашего путешествия.

Паша с удвоенным рвением принялся переключать немногочисленные радиостанции.

«По статистике число суицидов за последний год резко...», – раздалось из динамиков. Паша прервал диктора на полуслове, сменив волну в поисках музыки.

– Как думаешь, увеличилось или уменьшилось? – то ли в шутку, то ли всерьёз спросил юноша.

– А? Что?

Мужчина старался ни о чём не думать, так, ему казалось, он не отвлекал мозг от выбора нужных поворотов. И он был прав, вскоре автомобиль въехал в плотно застроенный район, и водитель смог расслабиться. Он сбавил скорость и медленно катился меж домов, разглядывая прохожих на тротуарах и пешеходных переходах в надежде встретить знакомое лицо.

– Давай тут запаркуемся, а дальше пешочком пройдем, – сказал Паша, прерывая тщетные поиски.

– А дальше это куда? – аккуратно ровняясь к бордюру, спросил мужчина.

– Вдоль улицы, например.

– Хорошо.

Спутники вышли из машины. На этот раз мужчина запер автомобиль и, на всякий случай, дважды дёрнул дверные ручки.

– Может, она вообще не твоя, – с улыбкой заметил Паша.

– Вряд ли. Мне кажется, я её лет десять уже вожу. Куда пойдём?

– Предлагаю заглянуть вон в тот двор. Отсюда он выглядит чистеньким и тихим. Уверен, ты мог бы жить в одном из таких домов.

– Думаешь?

– Почему нет.

Двор, и правда, оказался аккуратно прибранным, но вместо ожидаемой тишины их встретил громкий крик.

Из окна четвёртого этажа, по пояс высунувшись в настежь открытое окно, на весь двор звонким детским голосом кричал темноволосый мальчик лет семи в белой на вырост купленной майке.

– Серёжа! Серёжа! Ну куда ты ушёл?! Вернись!

Мужчина, точно замороженный происходящим, медленно пошёл в сторону не перестававшего кричать мальчика. Он старался как можно лучше рассмотреть лицо отчаянно зовущего кого-то ребёнка, и уже стоял под самым окном, как вдруг мальчик затих и скрылся в окне, с грохотом захлопнув раму.

Мужчина повернулся к стоявшему всё это время позади Паше и с ужасом произнёс:

– Меня зовут Серёжа.

Внезапно у мужчины закружилась голова. Он увидел, как Паша, вытянув руки, устремился на помощь, но в тот мо-

мент он почему-то показался ему совсем нереальным. Юноша стал очень бледным, даже полупрозрачным, а чёрная футболка повисла на нём бесформенным лоскутом, словно под ней вовсе и не было тела.

– Значит, вспомнил...

В глазах потемнело.

Ветка с хрустом обломилась. Тело глухо ударилось о землю, и птицы испуганно вспорхнули от неестественно громкого вдоха.

Некролог

Пролог

– И что?

– Что?

– Я готов...

– Ну, раз готов, иди.

– А куда идти?

– Да куда хочешь.

– Это как?

– Очень просто. Встаёшь, задвигаешь за собой стул, уходишь и не задерживаешь очередь.

– Какую очередь? Я же здесь один? И как я выйду, если в этой комнате ни одной двери?!

– Так же как вошёл сюда.

– Я... Я не помню, как здесь оказался...

– Зато я помню. Как и большинство, очень посредственно.

– А есть выдающиеся случаи?

– Редко, но бывает всякое. Я смотрю, готовности в тебе поубавилось?

– Нет. Просто не каждый день разговариваю в таком месте.

– А вот я здесь каждый день. И разговаривать мне с тобой

не о чем.

– Не о чем? Так зачем ты тогда здесь сидишь...

Реплики раздавались в такт мерным раскачиваниям тусклой лампочки, повешенной на длинном грязно-сером кабеле. Старый металлический плафон собирал лучи слабого света в широкий конус, который последовательно высвечивал буро-зелёную штукатурку стен, две сидящие на табуретах фигуры в длинных, до пола, балахонах с накинутыми капюшонами в тон здешнего интерьера и грубо сколоченный пустой деревянный стол между ними.

Слова продолжали множиться и петлять друг за другом, не в силах выстроиться в нужную комбинацию, и диалог всё дальше уходил от сути происходящего.

Блёклому свету так и не удавалось наткнуться хоть на какое-то подобие двери в стенах этой крохотной комнаты...

Интервью

– Привет, – говорит сонная жена рано встающему на работу мужу.

– Здравствуйте! – говорит заморожённый красотой восхода мальчишка, заметив курящего на смежном балконе соседа.

– Счастливого дня, – говорит задумчивый дворник вслед приветливым, спешащим на службу прохожим.

– Ещё полчаса, – говорит студент, упрашивая сквозь сон будильник.

– Черт бы побрал это утро... – говорит Антон, поднимаясь через силу с жёсткой постели.

Странно, но оказалось, что такой редкий индивид, как Антон, скорее ближе к студенту, чем к обычному человеку.

Давайте же узнаем поподробнее, как начинается он свой обычный (или не совсем?) день.

Следующий фрагмент является частью дневника, записанного Антоном по нашей просьбе специально для этого интервью (орфография и пунктуация автора полностью сохранены).

С уверенностью заявляю, что утро – самое поганое время суток, вне зависимости от того во сколько вы встали. Да-да, и не пытайтесь меня переубедить, счастливое утро бывает

только в рекламных роликах.

Вечер, ночь, они расслаблены, полны надежд, покоя, граничащего с магией, ради них стоит претерпеть неисчерпаемую суматоху дня.

Но утро... оно бесцельно, бракованное звено, соединяющее в цепочки череду дней. Оно, как молния, пробивает покойный небосвод сна и начинает гнать тебя навстречу однотипной суете, в которой так просто растерять все драгоценные дары ночи: хоть чего-то да стоящие мысли, уверенность, планы. К концу дня ничего из этого у тебя уже нет, и ты, увлечённый ночной безмятежностью, снова отправляешься на поиски подлинных ценностей, надеясь, что теперь-то точно удастся их сохранить.

Но утро безжалостно.

Этой ночью, мне кажется, я почти смог понять, почему именно мне довелось оказаться в числе немногих, отправленных то ли в награду, то ли в наказание (я больше склоняюсь ко второму) обратно. Нерешительность, сомнения, страх – всё завязано на этом. Но усталость заставляет меня уступить, и несколько мыслей, записанных в полудрёме – то небольшое, что удаётся спасти.

*

Перечитал вчерашнее – в момент написания оно казалось мне более значимым. Но зато теперь вы понимаете, с какими чувствами я встретил это утро (впрочем, как и любое другое).

Сегодня интервью (на которое я непонятно зачем согласился), наверное, поэтому ежеутренний ритуал разглядывания себя в зеркало я растянул на бессовестные полчаса. Случалось, что я объяснял себе бледность и худобу особенностями освещения в комнате и старостью кое-где совсем помутневшего и затёртого зеркала (до сих пор не могу понять, кому пришло в голову притащить такую громадину в маленькую избушку: может, низкая цена на барахолке не дала бывшим хозяевам пройти мимо этого потрепанного раритета). Тем не менее, на этот раз я был уверен, что выгляжу и вправду неважно.

Высокий, но безнадежно сутулый, весь торс в длинных синюшных рубцах, руки и ноги, кажется, каким-то чудом приводятся в движение тощими тяжами слабых мышц под тонкой кожей. Лицо... это отдельная история.

Мне кажется, что моё лицо изображает застывшую навеки раннюю весну: из под грязно-белого покрова кожи тут и там пробиваются к свету разрозненные пучки жиденькой растительности, включенные жесткие волосы на голове продолжают редеть и напоминают нагромождение пустых ещё с осени веток, серо-зелёные лужицы глаз подсыхают на первом обманчивом солнышке.

В общем, такой себе видок. Пришлось набрать из колонки побольше воды и бриться, умываться и причёсываться в два раза тщательнее обычного. Прямо как на свидание. Стало даже как-то жаль, что это не так (хотя кому я такой недоби-

тый случился).

Думаю, стоит надеть парадно-выходную оранжевую футболку (скроем блёклое существование за яркими цветами!) и очки – день обещает быть солнечным. Или лучше кепку? Тогда к чему я столько причёсывался?

И зачем я вообще пишу всё это? Хотя мне сказали записывать всё подряд, видите ли, их очень интересует мой внутренний мир. А там ничего, пусто, нечем интересоваться! Осталась от меня одна неполноценная оболочка да ворох никуда не годных потрохов, а всё хорошее, что должно было отлететь в мир иной, споткнулось на полпути и растворилось в небытии. Вот так и продолжает Антошка небо коптить.

И что меня дёрнуло в это ввязаться! Сидеть тут, расписывать... Пошло бы оно всё...

Собственно, это все записи, сделанные Антоном в тот день. От дальнейшего ведения дневника он отказался. Интересно почему, не правда ли? Может, слова, что он сдерживает внутри, приносят ему гораздо больше боли, чем внешние изъяны, на которые он лишь пытается сместить акцент, скрывая свои настоящие переживания.

Это мы и попытались выяснить у него во время личной беседы.

– Вам не кажется, что вы сильно выделяетесь на фоне других местных жителей?

– Выделяюсь? Только если на фоне вашей парочки своей пока ещё более-менее сносной физиономией.

– С чем связана такая ваша... как бы деликатнее выразится... грубость, озлобленность... нет, скорее даже ядовитость?

– О, как! Ну, последнее, могу точно вас заверить, заслуга трупного яда, подтачивающего меня изнутри столько времени. Вот и случается, что ненароком выплеснешь пару капель.

– Иными словами, это не ваше обычное состояние, и мы просто попали под раздачу?

– Знаете, под раздачу, а если быть точным под штрафы, попаду я, если не буду в конторе у шефа через полчаса.

– Простите, насколько я могу понять, вы где-то работаете?

– Прощаю. Я ж ещё вчера вам говорил, что мне к десяти на работу надо успеть.

– Да, теперь нам бы хотелось уточнить, кем именно вы работаете, если это, конечно, не секрет.

– О, я даже записал на всякий случай, чтоб не забыть... Промоутер-аниматор! Проще говоря, весело раздаю рекламные флаеры магазина экопродуктов в костюме кабачка.

– Вы этим занимаетесь для души?

– Ага. Для денег.

– А для чего вам собственно эти деньги?

– Ну, знаете что, знатоки потусторонней жизни, я, может, и разделяю с вами кров и, так сказать, культурно-смысловое поле, не по своей воле, хочу заметить, но прозябать здесь целыми днями в ожидании неизвестно чего я не намерен.

– Именно это мы и имели в виду, когда вначале заговорили о вашей индивидуальности и непохожести на остальных.

– Да вы ж сами работаете, что ж тут особенного? Скажи только, что за бесплатно. Но это скорее ваше личное упущение, давно бы уже какой-нибудь рекламы понапихали себе в газету.

– В том-то и дело, что нам, как и всем здесь, не нужны деньги. Для нас журналистика это своего рода отдушина. Она помогает читателям и нам самим отвлечься от повседневной неподвижности.

– Отлично! Очень рад за вас и ваших читателей. Но мне помогает отвлечься вкусный ужин в уютном кафе. А для этого по-прежнему нужны деньги.

– Выходит, вы так и не смогли принять здешних ценностей?

– Например, каких? Дождаться второй кончины в мучительных размышлениях, будет ли она вообще?

– Вам не кажется, что вы слишком утрируете и прямо-таки изо всех сил пытаетесь всё очернить?

– Нет. Я же покойник. А они, как известно, самые подлинные реалисты. По крайней мере, мне так казалось до встречи с вами.

– Каким вы видите своё будущее?

– Ну, хоть вы и уличали меня в пессимизме, до конца лета я рассчитываю дослужиться до повышения.

– Интересно, и что оно за собой повлечёт?

– Ничего кардинально нового, но пара приятных мелочей в виде свеженького костюма апельсина, работы в торговом центре, а не только на улице и повышения оклада будут очень кстати.

– У вас очень скромные планы на будущее. Или костюм апельсина для вас действительно значимая цель?

– Вы так недоверчиво к этому относитесь, потому что никогда не работали в этой сфере. Овощи у нас – это низшая каста, а апельсин – это совсем другой уровень... удобный костюм, фотографируются все, вокруг сплошь детские улыбки...

Нам, наверное, пора закругляться, а то одно опоздание – и не видать мне в обозримом будущем никаких повышений.

– Хорошо, тогда последний вопрос. Что могло бы стать вашим призванием в этом мире?

– Страдание.

Вот так неожиданно и закончился наш разговор с са-

мым неоднозначным жителем Воскресенского. Пожелаем ему удачи в его начинаниях и внутренних сил для поиска себя и своего места.

А следующий номер «По ту сторону» читайте уже через неделю.

Призвание

14.07

В одном я им соврал: в тот день у меня был выходной. Но это же не значит, что я должен был потратить его целиком на разговоры с этими журналюгами. Да и о чём, собственно, говорить?

Чем больше времени проходит после, тем сложнее наполнять смыслом события или их отсутствие.

Мне до сих пор не понятно, на кой я им сдался. Хотя, учитывая, что на нашем кладбище, или, как сейчас стало модно говорить, некрополе всего лишь несколько десятков недо- или переумерших (уж сам не знаю) чахликов, из которых только около половины более-менее разговорчивых, рано или поздно я был обязан попасться в лапы к этим недобитым писакам.

Нет, в целом, братья Слизнёвы – неплохие ребята, просто лезут куда попало и выглядят жутковато. Последнее кстати, как видимо и то, что они оказались в числе неуспокоенных задохликов, следует из первого.

Во времена своей догробной жизни они были честными журналистами-правдолюбам и разъезжали по провинции, обличая произвол и бесчинство местных власть иму-

щих. Один из регионов они стали посещать особенно часто: уж больно скверные там творили делишки, а инфоповоды в СМИ лишь ненадолго меняли общую картину.

Журналистские расследования в наше время – дело не очень благодарное и крайне опасное, но Слизнёвы, взяв на себя нелёгкий долг служителей народа, продолжали насаждать на негодяев, вскрывая всё новые и новые факты. Объясняя журналистам, что так делать не надо, группа ответственных за профилактические беседы людей явно перестаралась. Так братья и оказались здесь, на Воскресенском.

Тела их, а в особенности лица, были далеко не в лучшем состоянии. Но тягу к журналистике выбить из них так и не удалось. Поэтому, как только братья немного освоились и поняли, что к чему, свет увидели первые выпуски их нового самиздат-проекта «По ту сторону», малотиражной газеты о здешних колоритах, личностях и редких событиях.

В общем, каждый развлекается как может. Даже (или скорее особенно) после такой вот неполноценной смерти, которая приключилась с нами.

Никто не знает, как это происходит, да и контингент тут обычно набирается не очень вдохновлённый на поиск новых откровений. Поэтому существует пара-тройка пустых версий и уйма времени, чтобы их пообсудить и остаться с изначальным ничем. Та ещё забава.

Кстати, я соврал Слизнёвым дважды. Личные записи, которые они предложили мне вести, чтобы потом вставками из

них разнообразить интервью, я не забросил после первого же раза. Напротив, эта писанина самому для себя мне даже понравилась. Не назвал бы это дневником, так заметки безутешного, но иногда помогает отвлечься.

Подумываю о том, что, когда закончу эту тетрадку, можно будет подбросить её в одну из книжных кафешек в центре, например, в «Угрюмую улитку». Вот смеха-то будет, когда кто-нибудь из любопытства решит её полистать. А там, глядишь, если попадётся особо впечатлительный читатель (в Улитке таких полно) смогу стать основоположником нового эзотерического учения. Вот это я понимаю жизнь после смерти... Только надо будет этим запискам ручной переплёт заказать и ещё название придумать интересное. Сейчас рабочее «Записки с того света» ... не знаю, что-то мне это напоминает, а ничего оригинальнее пока в голову не идёт.

Кажется, светает, скоро на работу...

16.07

Что можно рассказать о “жизни” здесь? В целом она мало чем отличается от моих прежних будней. Да, теперь у меня низкооплачиваемая неофициальная работа, не чета моей прошлой службе, но и ответственности никакой, спрос с тебя минимальный: приходи вовремя, не филонь и старайся честно раздать свою ежедневную пачку листовок, будь полюбезнее с людьми и всё – грошовая зарплата беженца-маргинала

тебе гарантирована. Казалось бы, серьёзный повод сетовать на мои новые реалии, но всё уравнивается снизившимися потребностями. Есть практически не хочется; знаю пару ребят, что высохли почти до костей, пока им не сказали, что они по-прежнему могут есть, а то эти бедолаги, утратив аппетит, уже возомнили себе, что внутри у них всё сгнило и вообще они чуть ли не ожившие мертвецы. Нет, так-то оно, конечно, так, но с зомбаками нас объединяет только “загробная” жизнь. Ни тяги к человеческой плоти, ни безвольных хромоногих шатаний по кладбищу и тёмным городским закоулкам под звуки собственных пугающих стонов – ничего такого среди наших оживших задохликов нет, я ручаюсь. Видок у здешних обитателей, безусловно, потрёпанный: все как один бледные, худые, ссутулившиеся, кто-то вообще очнулся калеккой. Но работал я по молодости в одном офисе и там, скажу вам, подборка была не лучше (может, их с Воскресенского и набирали, кто знает...).

Так вот... вернёмся к потребностям. Есть почти не хочется... Хотя признаюсь: у меня осталось пристрастие к сладкому, я, наверное, только потому и работаю целыми днями, как обычный человек, чтобы позволить себе вечером стаканчик кофе и пару пирожных в каком-нибудь тихом, уютном кафе.

К слову, энная часть наших бродяжничают в поисках себя и хоть какого-то смысла, некоторые уходят с головой в книги, не знаю уж, что они рассчитывают там найти. Полноценно к прежней жизни не пытаются вернуться никто. Конечно,

немногие счастливчики вроде Слизнёвых смогли найти применение своим навыкам и реализовывать свой потенциал даже в нашем посмертном захолустье, но и они скорее культивируют остатки своего прошлого в новых реалиях, не в силах от него отказаться (как, впрочем, и я от сладкого), чем пытаются вернуть былое. Всё потому, что смерть ни для кого не прошла бесследно. И дело даже не в том, что после того, как ты выползаешь из вонючей тины близлежащего болота, в которое с каждым годом утягивает всё новые и новые захоронения, ты похож на пожёванную беззубой коровой пластилиновую версию себя. Нет. Всё гораздо сложнее.

Постоянный спутник того, чья жизни по неизвестной причине продолжилась после того, как его тело в дурацком ящике опустили в заболоченную яму и халтурно присыпали землей, местные прохиндеи, ПУСТОТА. Радости, смыслы, надежды, цели – всё, что делает нашу нелёгкую жизнь такой притягательной и бесценной, в одно мгновение исчезает, и внутри остаётся лишь нагая беспредельная пустошь. Не существует больше десятков невидимых пут, крепко связывавших тебя с земными идеалами, теперь все они прах, раздуваемый неугомонными ветрами пустоты. Ты ждёшь новых откровений, истин, что заполнят бездну внутри, а вместо этого оказываешься в прежнем мире, неся в себе пустоту, которой ему больше нечего противопоставить.

Не знаю, удалось ли мне передать то состояние, в котором мы вынуждены существовать. Но если по-простому, то нас

как будто не пропустили на следующий после жизни уровень и отправили обратно: перепройти можно, даже бонусов всяких насобирать, только ты уже прекрасно знаешь, что в конце всё обнулится. Теперь значение имеет лишь: пустят ли тебя дальше и существует ли оно вообще.

Вот и ломай себе голову в объятых неизвестности посреди непроглядной пустоты.

Вообще, я собирался описать более материальные стороны нашего существования, но, видимо, придётся отложить это до следующего раза и отправиться на прогулку, утапывать в землю подступившую к горлу грусть-тоску.

17.07

Так, на чём я там вчера остановился? Ага, печальные занудства... а, вот то, что нужно (так сказать под настроение): пожалуй, стоит озаглавить сегодняшние записи: “Описание уклада и быта Воскресенских умертвий или путь от могилы до общины” и постараться не отходить от темы.

Скажу сразу: несмотря на то, что таким вторым роддомом для всех нас стало Воскресенское кладбище, никакого вурдалачего быта в склепах (которых тут, к слову, раз, два и обчёлся) и гробах мы не практикуем. За исключением нескольких совсем потерянных, чудаковатых добровольно бездомных, все квартируются в заброшенных домах соседней вымершей деревушки (именно её жители и легли в

основу первых линий нашего кладбища).

Моё жилище – маленькая, цвета морской тины, хибарка на самом краю поселения, близ конечной автобусной остановки, с которой я почти каждый день мотаюсь в город и обратно.

Из всех благ цивилизации моя обитель располагает немногим, но, по-моему, самым необходимым для новой жизни, а именно

(давно хотел провести опись своего имущества):

1. Бревенчатые стены – четыре штуки. Широкие щели в них густо замазывали штукатуркой ни одно поколение жильцов. Я же решил эту проблему элегантнее – монтажной пеной. Баллонов я истратил порядочно, но зато моя избушка стала по-настоящему неприступной для ветра крепостью.

2. Обложенная кирпичом буржуйка, оказавшаяся не только чудесным теплогенератором, но и неплохой альтернативой газовой плите. К тому же в деревне обнаружился погреб, доверху забитый углём, так что отпала необходимость ходить за дровами (хоть это пошло в ущерб крестьянской романтике).

3. Умывальник, который по своему устройству напоминает кулер, подвешенный над раковиной с выведенной на улицу сточной трубой. Не центральная канализация, но после пары месяцев эксплуатации он перестаёт казаться таким уж ужасным. Если бы ещё за водой не приходилось таскаться к колонке... ладно, оставим бесплодные мечты на потом.

4. Туалет дачный. И это самый главный удар по концепции «мой дом – моя крепость», потому что жилище с удобствами на улице тянет максимум на статус окопа.

5. Дубовая (судя по жёсткости) кровать. Кажется, её не спасёт даже три матраса (два точно не помогают). Стоит только возлечь на это спартанское ложе и прикрыть глаза, как тебя начинают одолевать сомнения, не в гробу ли ты вновь оказался. Может, поэтому у меня проблемы со сном?

6. Так, остались одни мелочи: тяжеленный деревянный стол и две табуретки под стать ему, очень удобное кресло с засаленной, кое-где расползающейся тёмно-зелёной обивкой, лампа на батарейках, пара криво повешенных полок, кое-какая посуда и почерневший от времени кованый сундук с всякими мелочами.

Всё, вроде справился.

Собственно, подобное благоустройство с небольшими вариациями имеют все здешние жилища, облюбованные нашим братом. Разве что дом-редакция Слизнёвых, развёрнутая в бывшем сельском клубе, устроена иначе.

На первый взгляд форпост местной журналистики такое же заброшенное здание, как и все остальные, только двухэтажное. Но внутри него, по какой-то счастливой случайности, сохранилось электричество, и, как выяснилось, это меняет многое. Особенно, когда в таком месте оказывается не очень-то прихотливый, но очень рукодельный электромонтёр Анатолий.

Дядя Толя (так мы зовём его, потому что среди относительно молодых оживших он один из немногих, кому удалось дотянуть до пенсионного возраста с первого раза), очутившись на Воскресенском несколько лет назад и более-менее разобравшись в том, что здесь происходит, решил, подобно журналистам, не отказываться от своего призвания (которое его, к слову, и сгубило) и продолжить копаться в проводке, электроприборах и тому подобном. Конечно, для такого человека выбор в качестве жилища единственного электрифицированного здания в округе был очевиден. Правда, в то время только дядя Толя знал о том, что часть проводки в клубе уцелела (профессиональное чутьё – не иначе).

В общем, не прошло и пары месяцев, как клуб наполнился пробивающимся через многолетнюю пыль светом люстр, дребезжанием где-то добытого и отремонтированного электрочайника и незатейливыми мелодиями из восстановленного радиоприёмника. Дядя Толя всегда был человеком гостеприимным и здесь этого качества не утратил – вечерние посиделки-чаепития на первом этаже сельского клуба стали обычным делом.

Чуть позже одна из завсегдатаев таких званных вечеров, учитель русского при первой жизни Елизавета Павловна, обнаружила в закромах клуба вполне сносную библиотеку. Местные книголюбы её поддержали и понесли отовсюду ещё столько же разнообразной литературы. Так первый этаж заброшенного сельского клуба стал походить скорее на ли-

тературное ретро-кафе, чем на место досуга нечаянно оживших.

Сам дядя Толя занимал всего одну небольшую, но хорошо освещённую комнатку на втором этаже, в которой, по всей видимости, раньше обитал управляющий. Поэтому, когда к нему пришли отчаявшиеся найти подходящие место для своего ремесла Слизнёвы, он с радостью согласился отдать оставшиеся помещения под их редакцию и помочь с необходимым оборудованием. С того момента дядя Толя, назначенный братьями ответственным за всё электрооборудование в редакции, вновь обрёл постоянную работу, чему был несказанно рад.

Он с удовольствием принялся чинить (а точнее, собирать нечто рабочее из кучи никуда не годного) старые принтеры, маломощные компьютеры, пузатые мониторы, которые несли со свалок все сочувствующие общему делу. Я, кстати, тоже приволок как-то купленный за сущие копейки на радиорынке потёртый увесистый ноутбук – с ним, кажется, дядя Толя периодически возится до сих пор.

Когда требуются чернила, бумага и прочие расходные материалы, не признающим коммерческой деятельности Слизнёвым приходится через посредников брать для дяди Толи заказы на ремонт техники с большой земли. Как бы тягостно ни было братьям признавать это, но даже им иногда нужны деньги.

Вообще Слизнёвская бравада про неработающих Воскре-

сенских идеалистов – конечно же, обычная журналистская утка. Будь ты хоть сотню раз оживший, если тебе понадобится что-то из материальных благ этого мира (а рано или поздно так случится), на “бесплатно” и “задаром” можешь не рассчитывать. И тогда, хочешь не хочешь, придётся идти зарабатывать. Как ты это будешь делать – вопрос другой. Но если уж ты вернулся в социум, этот пункт стороной тебе обойти не удастся.

Что ещё интересного у нас тут организовалось? Ах да! (сказывается мое питание на стороне). Не так давно общинный дух нашей недобитой братии укрепил Гриша, устроивший в одном из домов пекарню, с фактически бесплатным хлебом и сдобой на любой вкус. Этот славный парень оказался здесь по вине нелепого ДТП явно раньше положенного срока. Как и многие, слегка осмыслив случившееся, он решил остаться с подобными ему бедолагами и занял неприметный домик близ колонки. Повар по профессии, Гриша, обнаружив у себя под боком дореволюционную русскую печь, заново обрёл себя.

Поначалу он готовил всё подряд из того, что смогли раздобыть соседи, которые не забыли о том, что даже после формальной смерти есть хоть иногда, но нужно. Затем, понемногу освоившись с печью и имеющимися в нашей загробной деревушке ресурсами, Гриша решил вспомнить свою первую работу в качестве помощника пекаря и перешёл на выпечку (первые и вторые блюда в неизменных чугунках

он теперь делает только по особым поводам). Сдоба у него, кстати, выходит не хуже, чем в городских булочных (а я, признаюсь, захаживал во все наиболее приметные).

Работает Гриша, под стать остальным Воскресенским трудягам, крайне фанатично, а потому неизбежный избыток продукции ежедневно продаёт на городском рынке здешний помазанник Гермеса Андрей. Коммерческие заказы для дяди Толи по просьбе Слизнёвых тоже подыскивает он всё на том же рынке.

Если рассматривать наше неформальное хоррор-объединение нечаянно оживших как некую общину (а именно такого мнения я и придерживаюсь), то Андрюша в ней занимает место главного казначея. И пусть на кладбище Андрей попал по далеко не самой обычной причине, для многих он стал надёжным товарищем, а его предпринимательские таланты явно пошли на пользу здешнему небогатому хозяйству. Что и говорить, с его появлением наша новая жизнь окончательно наладилась. Теперь остаётся только «жить и радоваться!». Да что-то у меня не выходит...

18.07

Хоть я и расписал тут все прелести нашей дружной общины, но, откровенно говоря, я не ощущаю себя её частью. Конечно, мне здесь всегда рады, и, в свою очередь, я всегда готов оказать посильную помощь в каких-то общих делах Вос-

кресенского. Но в целом... нет. Я сам по себе.

Может, до этого признания и пытались докопаться внимательные Слизнёвы, напирая в течение всего интервью на мою нехарактерную для здешних обособленность и индивидуальность?

Так или иначе, я, и правда, предпочитаю своеобразную социальную изоляцию в одной из городских кафешек общению с товарищами по несчастью. Каждый день я провожу среди сотен незнакомых мне обыкновенных людей, которые и не догадываются о том, что порой происходит на Вознесенском. И меня это устраивает.

На улице в толпе прохожих или в чайной в окружении других посетителей я не ищу общения. А просто наблюдаю, размышляя о мелочах, деталях сюжетных линий судьбы, которым уже никогда не суждено сбыться. Как и пристрастие к сладкому это ещё одна вредная привычка из прошлого.

Сколько себя помню, я постоянно планировал, мечтал и фантазировал над всем, что могло бы со мной произойти. План длиною в жизнь. И не в одну. Десяток не меньше...

Сжечь столько времени, чтобы осветить пленительный калейдоскоп событий и пускать на них слюни. Да, это было в моём стиле.

Но больше я ничего не планирую, просто смотрю на людей и даю мыслям полную свободу складываться в какие угодно истории. Скинув с себя ношу пустых амбиций и притязаний, я не спеша плетусь через преграду дней навстречу неизвест-

но чему. Хотелось бы верить, финалу. На этот раз полноценному.

20.07

По традиции перечитал пару последних записей. Пришла мысль: «А что если все мы в аду?». Я, конечно, не первый, кого посещают такие идеи, ну а чего вы хотели от кучки очнувшихся после смерти людей?

Ведь по логике вещей мы должны были оказаться в одном из полюсов загробного мира (рай/ад, парадиз/геенна огненная, называйте их, как хотите), или, на худой конец, навсегда раствориться в небытие, ну, или хотя бы переродиться в иной оболочке. А что в итоге?

Мы очухались всё на той же земле, где нас намедни прикопали, и продолжаем жить по старым, хорошо знакомым правилам. И никаких тебе сансар и новых миров. Но, может быть, именно такая форма ада уготована самым злостными грешниками.

Быть запертым в нашем мире, не зная, будет ли всему этому конец или мы обречены скитаться здесь вечно, чем не наказание? Хотя, с другой стороны, большинство новожителей Воскресенского не выглядит такими уж горькими страдальцами, а некоторые (те же Слизнёвы, дядя Толя, Гришка) так и вообще, кажется, счастливы...

Тогда, возможно, мы оказались в каком-то промежуточ-

ном положении между раем и адом. В лимбо... (хотя нет, это, кажется, какой-то танец) в лимбе (я что-то читал об этом еще в школе).

Что ж, быть избавленным от кипящих котлов, раскалённых кольев и прочих инструментов адских увеселений уже неплохо.

23.07

Если на смертном одре вы сможете с уверенностью сказать, что ничего плохо не делали и, в сущности, были вполне порядочным человеком, разве это сможет вас успокоить? Лично мне не помогло.

Жизнь заканчивается так же неожиданно, как начинается, абсолютно без нашего участия. Твоё мнение никто не учитывает. Можешь завещать оставить его на своём надгробии. На большее оно не согдится. Ты был, и тебя не стало. Стоит просто принять это и не сопротивляться.

Я не упорствовал. Не успел. Но было до жути обидно расставаться с этим миром, раз и навсегда лишиться непостижимого чуда жизни. В конце концов, было попросту жалко самого себя.

Вообще, мне кажется, что именно сожаления обо всём, что мы когда-то совершили или, наоборот, не смогли, делают нас людьми.

Могла ли запредельная доза жалости, принятая мной в ту

роковую ночь, стать причиной того, что я продолжаю существовать по-прежнему, по-человечески, и не смог перейти в какое-то качественно иное состояние?

А, может, моя смерть не удалась, потому что я умер уже давно?

Интересно, когда это могло произойти? В пятнадцать или даже в тринадцать лет, когда я впервые пренебрёг бесценными дарами жизни. Видимо, она такого не терпит и немедленно, без всякого предупреждения расстаётся с наглецами. А они, ничего не заметив, продолжают очернять и поносить то, что им уже никогда не будет доступно. Отныне их удел – по инерции существовать на самых задворках, в тени отбрасываемой настоящей жизнью. Высокая цена за неискоренимую человеческую глупость.

С чем бы сравнить такое безрассудное наше поведение?

Не знаю, приемлема ли моя схема для женщин, но уж больно она мне нравится.

Жизнь – это роскошная красавица, роман с которой мы закрутили с самого рождения. И именно в этом кроется вся наша беда. К моменту, когда мы возмужаем и окончательно окрепнем, она, какой бы привлекательной и обворожительной ни была, входит в привычку, приедается и, в конечном счете, утомляет. Мы перестаём смотреть на красотку, подпустившую нас к себе так близко, и всё больше заглядываемся на обольстительных незнакомок: смерть, философию, новую

жизнь.

Только вот, растрачивая себя на пустые заигрывания с другими, мы неизбежно отдаляемся от нашей первой самой преданной и честной возлюбленной, и редко кому из людей удаётся спасти эту первую любовь.

Грустно, конечно, но вряд ли нам когда-нибудь удастся поменять эту закономерность.

25.07 (утро)

Последний раз я пользовался такси ещё при первой жизни. И тогда это было гораздо удобнее. Ты просто садился в машину и доежал до дома – просто, быстро, зачастую дорого.

На этот раз мне пришлось поступиться комфортом в угоду конспирации. Не знаю, возможно, мой мозг сейчас далеко не в лучшей форме, но мне показалось странным и малость опасным ехать с таксистом за полночь на окраину заброшенной деревни по соседству с кладбищем. Я почти уверен, что в таком месте водителя очень заинтересовала бы картина ночной жизни, красующаяся в свете электрических ламп из окна нашего сельского клуба.

Поэтому я доехал до ближайшего официально жилого населённого пункта и, ощутив себя самоотверженным хранителем тайного знания, отправился пешком в родное Воскресенское.

На часах половина третьего. Самое время рассказать о причине моей задержки в городе и опоздания на последний автобус.

После работы я, как обычно, отправился на поиски честно заслуженных мною пирожных. Сегодня мой выбор пал на небольшую кондитерскую «Сластёна», их шоколадные тортики... лучше попробовать самому... скажу лишь, что хотя бы ради них одних стоит работать.

В выходные там всегда полно детей. И потому я занял игнорируемый всеми семьями, но любимый большинством одиночек, одноместный столик. Было достаточно шумно, но это совсем не раздражало, напротив, кругом чувствовалась неподдельная пульсация жизни. То была заслуга счастливых объевшихся сладостей детей. Я не спеша наблюдал за их наивным, беззаботным поведением. Мысли незаметно наполнились ностальгией с примесью доброй зависти.

И тут мою умиротворённую задумчивость смело потоком цветочно-фруктового аромата. Конечно, это была она. Невысокая милостивая официантка Карина – чуть ли не единственная возмутительница моего посмертного спокойствия в отношении женщин.

И да, в «Сластёну», расположенную в трёх кварталах от моей остановки, я иногда ходил только ради того, чтобы увидеть её. Она устроилась сюда совсем недавно, но я уже запомнил график её работы и научился определять приближение Карины к моему столику, не отрывая глаз от меню, только по одному запаху её чудесного парфюма.

На этот раз, когда она окликнула меня и мне всё же пришлось перевести на неё свой смущённый взгляд, я растерялся особенно сильно – перебирая воспоминания детства, я совсем забыл выбрать кофе, а выдавить из себя хотя бы элементарное «капучино», как назло, не получалось.

Карина приятно заулыбалась и предложила мне новинку: «ванильное что-то с чем-то там ещё, очень вкусное, особенно с шоколадными бисквитами». Разве я мог не согласиться? Наверное, мог. Но только ради того, чтобы в ожидании заказа она подольше оставалась у моего столика, а я в это время мог почти вплотную наслаждаться её красотой и дурманящим запахом.

Что и говорить, я влюбился.

Мне не хотелось никуда уходить, терять Карину из поля зрения, я всё бесцеремоннее разглядывал её стройную фигуру в короткой джинсовой юбке и туго затянутом синем фартуке.

На улице стемнело. Я запил приторную кофейную новинку.

ку горьковатым американо, а затем терпким двойным эспрессо.

Забирая очередную чашку, Карина любезно предложила попробовать их новые пирожные. Я нечаянно ляпнул, что готов на всё, что она предложит. Она слегка покраснела и пошла к другому столику.

Вскоре из посетителей остался только я, а из сотрудников кафе только Карина – была её очередь считать кассу. Об этом я узнал, когда она сообщила мне, что кондитерская уже десять минут как закрыта, а я выпалил в ответ предложение проводить её до дома (детский сад – не иначе), но получил отказ. Тем не менее, мне всё же удалось завязать хоть какое-то подобие общения. И вот через полчаса, идеально расставив в кафе все стулья, протерев как можно тщательнее каждый стол, я вышел из кондитерской без единого шанса успеть на последний автобус, но со счастливым билетом на свидание с Кариной завтра, в четыре у ЦУМа.

25.07 (вечер)

Я не чувствовал себя так нелепо с того момента, как, вернувшись в жизнь, отплёвывал болотную тину на окраине Воскресенского. На такое унылое свидание не способен ни один оживший мертвец. Только я.

Нет, поначалу всё было вроде как неплохо, мы долго не могли найти общей темы для разговоров, но у Карины ока-

залось много нелепых приятелей (уверен, теперь я с ними в одной обойме) и обсуждение их глупостей и весёлых неудач спасло наше общения. Но тут ваш покорный слуга начал судорожно искать, куда бы сходить и, утопая в своей нерешительности, не нашёл ничего лучше, чем таскаться кругами по сомнительным дворам и узким разбитым тротуарам. И если в первый час Карина старательно не замечала моих ведущих в никуда, идиотских маршрутов, то на втором часу она предложила вернуться в центр. Прибавим к этому полдесятка моих ответов невпопад, несколько дурацких шуток, пару занудных, никому ненужных рассуждений; плюс никакой договорённости о следующем свидании, и всё – результат становится очевидным:

Я ОБЛАЖАЛСЯ!

26.07

Сегодня сразу после работы я отправился обратно в Воскресенское, подальше от городских пейзажей, напоминавших мне о вчерашней неудаче.

К моему удивлению, привычно одинокое пребывание дома на этот раз оказалось невыносимым – в голову то и дело лезли неприятные, тревожные мысли. Чтобы хоть немного отвлечься, я решил в порядке исключения навеститься в наш клуб. Отчасти вовремя. Когда я вошёл, все внимательно слушали обычно молчаливого и неприметного Стёпу – су-

хенького мужичка лет сорока пяти. Он очень умело, во всех подробностях описывал свой неудавшийся поход к реке в нескольких километрах от нас. Путь лежал через скоростную трассу, на которой Стёпу, несмотря на его крайнюю осмотрительность, чуть не сбила машина. И в этот момент, если верить его словам, он почувствовал страх смерти, тот самый, что сопровождал каждого из нас на протяжении всей первой жизни, а после того, как мы очнулись на Воскресенском, бесследно исчез. Было удивительно слышать такое, многие требовали ещё больше деталей, пытаюсь разобраться, что же могло способствовать пробуждению давно утраченного чувства (прежде ни с кем из тех, кому случалось едва не попасть под колёса лихих городских гонщиков, ничего подобного не происходило). Кто-то даже захотел немедленно отправиться тем же путём и повторить эксперимент с автомобилем. Все хотели вновь почувствовать страх.

Чтобы снова ощутить себя живыми.

27.07

Много думал о вчерашнем.

Пожалуй, вся наша жизнь соткана из страхов. И пока ты боишься – ты жив. Как только страх теряет над тобой свою власть, ты выпадаешь из потока жизни. Больше ты не её часть.

Сколько себя помню, всегда до жути боялся грозы: осле-

питательные вспышки молний, оглушительные раскаты грома... даже вспоминать неприятно. Особенно, если ненастье застает тебя врасплох посреди улицы и не оставляет ни единого шанса трусливо спрятаться в своей квартире.

Зато, когда всё это метеорологическое буйство унималось, казалось, я никогда так не любил окружающий меня мир, торопливое чириканье птиц, опасно выходящих из своих укрытий людей, жизнь в целом.

Странно, что в "новой" жизни мне ещё ни разу не приходилось сталкиваться с моим главным страхом. Интересно, что бы я почувствовал теперь.

28.07

Сегодня Карина должна быть на работе. Нужно зайти и попытаться получить второй шанс.

Я был уверен, что ничего не получится, и тем не менее решился, приветливо подозвав её, чтобы сделать заказ, предложить ей после закрытия кафе сходить в кино.

Конечно, она отказала.

Очень доброжелательно, сетуя на то, что в начале августа у неё поступление в магистратуру и поэтому в ближайшие дни ей нужно усиленно готовиться к экзаменам.

Я залпом выпил самый горький в обеих своих жизнях эспрессо и, даже не попрощавшись, отправился скитаться по

городским улицам. Вокруг было необыкновенно много прохожих, и я украдкой заглядывал в лица каждому, пытаюсь найти хоть немного сочувствия в их глазах. Решительно всем я был безразличен.

Окончательно разочаровавшись в своих глупых надеждах на случайную встречу с каким-нибудь добрым и участливым незнакомцем, который хоть немного бы меня утешил, я понёс свою никем не узnanную печаль домой.

29.07

Ещё один унылый день позади. Осталось дожидаться, пока достигаются вещи, и можно отправляться домой. Кстати, вечерние посиделки в пустой прачечной не такое уж скверное времяпрепровождение. Сидишь себе, мечтаешь о чём-нибудь хорошем (или не очень) под мерный гул барабана. Ещё можно рассматривать удивлённые лица прохожих за окном, большинство из них откровенно не понимает, кто же до сих пор пользуется услугами прачечных. Что ж, не спорю, они не чета модным сетевым химчисткам с курьерской службой в придачу, пережиток прошлого – не иначе. Прямо как восставшие мертвецы. Вот мы и нашли друг друга.

Меня пришёл поддержать актуальный в любом времени и месте кот. Я случайно заметил его пушистую серую морду, замороженно наблюдающую с улицы за оборотами барабана, и решил, что кошачий бродяга – самая подходящая компа-

ния на вечер.

Я незаметно запустил кота внутрь. Мы расположились напротив явно обладающей гипнотическими свойствами стиральной машинки, и, увлечённо следя за полосканием, разделили нехитрую трапезу. Сегодня я как раз купил немного копчёных колбасок – сладкого в последние дни мне совсем не хочется. Мы не спеша, с большим удовольствием перекусили с моим новым знакомым.

Машинка закончила отжим, и я аккуратно сложил ещё немного влажные вещи в рюкзак, предназначенный специально для большой стирки. Котик довольно помурчал на прощание в ответ на мои поглаживания, и мы, оставив гостеприимную прачечную, разошлись каждый своей дорогой.

31.07

Сегодня я взял выходной. Ребята из деревни закончили свой амбициозный летний проект по ремонту и расширению бани и теперь звали всех на торжественное открытие. Вообще, баня почти такое же важное место общественной жизни Вознесенского, как и сельский клуб, поэтому отказаться от предложения было бы попросту неуважительно. К тому же в бане я частый гость в отличие от того же клуба. Да и в работах по восстановлению крыши пару раз помогал. Так что да здравствует сельский праздник!

Всё прошло на славу, попарились как следует, пообщались. Было даже весело. Но навязчивая мысль наладить отношения с Кариной не отпускала меня.

3.08

Первые дни августа одарили меня двумя новостями. Одна плохая, другая тоже.

Начнём с того, что заветный костюм апельсина отдали только что устроившейся девочке-студентке. Видите ли, она активная, в ней много жизненных сил (больше, чем в недавно мёртвом человеке, вот это да, не может быть!), да и для других костюмов она слишком миниатюрная, а вот новый фрукт ей в самый раз. С момента моей смерти справедливости в этом мире не прибавилось ни на грош...

Спонсор второй скверной вести другая студентка. Сегодня твёрдо решил пойти в кафе и всеми правдами и неправдами добиться второго свидания от Карины. За последние несколько дней я до мелочей продумал все возможные диалоги, просчитал десятки вариантов развития событий, прошёл по предполагаемым прогулочным маршрутам, прикинул, в какие кафе/кинотеатры мы можем зайти по пути... да что и говорить, я готов был претендовать на первый поцелуй! В итоге, когда я полный решимости заявился в «Сластёну», Карины там не оказалось. Решив, что ошибся с графиком работы, я вежливо расспросил у незнакомой мне официант-

ки про объект моего вздыхания. Её звали Настя, и она оказалась подругой Карины. Та, как выяснилось, успешно сдала вступительные экзамены и осталась подыскивать себе работу в новом городе, а старое место у нас уступила Насте.

Помимо лучших лет, похищенных в молодости, теперь высшее образование украло мою нечаянную любовь.

Настю, кажется, очень заинтересовала моя персона. И она, идя на поводу у врождённой болтливости, ежеминутно, как бы невзначай, подходила ко мне и осыпала ворохом различных фактов, которые с каждым разом имели всё меньше отношения к Карине и даже к самой Насте.

Я понял, что оказался в эпицентре какого-то водоворота сплетен. Пришлось действовать быстро.

Я торопливо догрыз ненавистное безе (специально заказал, свой нелюбимый десерт, чтобы лучше прочувствовать горечь момента) и, пока Настя обслуживала чей-то столик, я оставил счёт и поспешил на свежий воздух.

Вдохнув полной грудью и с непривычки закашлявшись, я наконец-то почувствовал себя свободным. Что бы это ни значило.

4.08

Наверное, мне, прожившему свою жизнь от и до и оказавшемуся здесь снова, следовало бы постичь наконец её смысл. Не знаю... ума и мудрости у меня, кажется, не прибавилось,

и потому я до сих пор убеждён, что весь на первый взгляд такой неуловимый и загадочный смысл жизни, в конечном счете, сводится к одному – осознать себя счастливым. В погоне за такими важными для нас мгновениями мы трудимся, мечтаем, отчаиваемся. И так из года в год. Всё ради главного откровения жизни: «Мы можем быть счастливы!».

Кто после этого посмеет назвать нашу жизнь лёгкой?!

8.08

Честно, когда я отнёс законченную тетрадь в «Угрюмую улитку», то зарекся писать. Но то ли от того, что мои записки исчезли на следующий же день и до сих пор не вернулись на книжные полки литкафе (или ими кто-то удивлённо зачитывается, или их сожгли; понятное дело я тешу своё самолюбие первым вариантом), то ли от того, что вся эта писанина уже вошла в привычку, и дни без неё мне кажутся бессмысленными и потраченными впустую, я начал вторую тетрадь.

Знали бы Слизнёвы, какого монстра они создали...

9.08

Не могу уснуть уже третий час. Кофе в термосе кончился. На улице вот-вот вольёт дождь. Делать решительно нечего. Продолжу ворочаться в постели, дожидаясь рассвета.

Кажется, я ненадолго задремал, но то, что сейчас творится на улице, это какой-то кошмар наяву. Прежде никогда не слышал такого грома. Его раскаты длятся по несколько минут, перетекая один в другой, словно и не собираясь заканчиваться. Похоже, будто все вокруг кипит в огромном котле неба. Вспышки молний то и дело освещают мои бледное трясущееся тело, врываясь в окна то справа, то слева.

Я зажёл свет, посмотрел в зеркало – лицо как у покойника. Без всяких шуток. Правда. Как будто я никогда и не оживал. Я очень боюсь... Боюсь, что меня убьёт молнией. Этот страх преследовал меня всю жизнь. И сейчас он ещё сильнее, чем когда-либо.

Так, надо взять себя в руки. Хватит. Как можно бояться смерти, если ты уже умер? Да и когда вообще в последний раз человек погибал от удара молнии? Эти страхи – просто бред. Сейчас я оденусь, выйду на улицу и докажу сам себе, что бояться больше нечего.

Некролог

Вот и прервалась извилистая тропа жизни нашего доброго товарища и отзывчивого соседа Антона. Его бездыханное тело обнаружили утром девятого августа на холме, близ разрушенной деревенской часовни. Там же было решено при-
дать тело земле.

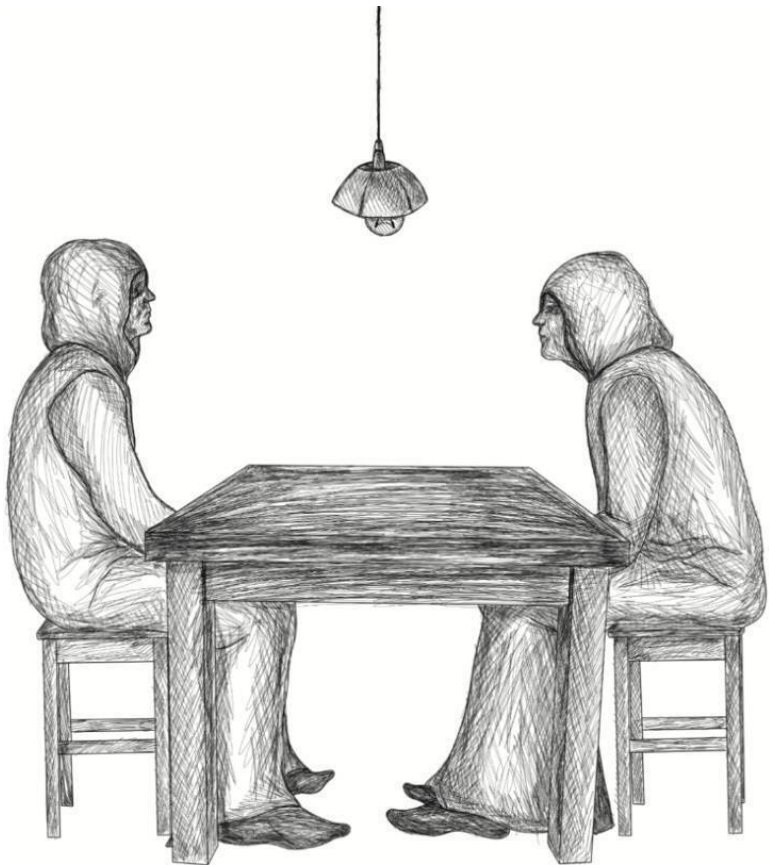
Антон всегда пытался найти независимый и отличный от других путь к познанию себя, тайн жизни и предназначения. Мы верим, что на исходе своих странствий он обрёл те заветные ответы, и наградой за упорные поиски ему станет вечный покой.

Человеку очень сложно принять вечность.

Тем не менее, Антону это удалось.

Эпилог

- Почему я снова здесь?
- А мне почём знать?
- Я же с тобой уже разговаривал!
- И как беседа, удалась?
- Нет.
- Нехорошо вышло, но здесь по-другому и не бывает.
- А здесь это где?
- Здесь – это здесь.
- Замечательно! А почему я снова с тобой разговариваю?
- Значит, тебе есть, что мне сказать.
- Я ухожу.

Один из силуэтов уверенно поднялся из-за стола и подошёл к выхваченной качнувшимся в сторону конусом света двери. По комнате прокатился оглушительный щелчок повернутой дверной ручки.

Новый день

Ни свет ни заря

– Нет, никаких больше продлений лицензии, – громко пыхтя, возмущался Савелий.

Он зябко кутался в свой шерстяной коричневый пиджак в старомодную крупную клетку, будто не замечая теплого июньского утра. Мужчина явно нервничал и хотел поскорее сбросить с себя бремя давнего поручения, но пожилой управляющий продолжал упорно сопротивляться.

– Разве можно, Савелий Остапыч, вот так взять и просто закрыть! У нас же тут половина деревни трудоустроена.

Расчёт Савелия на то, что, грянув с решающим визитом в субботу рано утром, он избавит себя от долгих неприятных ему разъяснений, не сработал. Ошарашить управляющего грозным объявлением не удавалось, и тот вот уже полчаса упорно подыскивал всё новые доводы, лишь бы отсрочить неизбежное.

– Крамор, ну что ты как маленький, ей Богу. Ты ж знаешь, я за вашу богадельню столько лет там, наверху, горой стою. Ну нет, пойми ты, нет больше финансирования.

Савелий совсем разволновался и ежеминутно проводил успокоительный ритуал. Он срывал с себя нелепый, не по се-

зону надетый картуз, который любил больше всего на свете, и несколькими резкими движениями отирал выступившую на лбу и залысынах испарину ветхим серо-голубым платком, затем он поправлял включенные рыжеватые волосы и на ставшую неопрятней прежнего причёску снова водружал свою любимую кепку, тем самым завершая ритуал. На этот раз спокойнее ему не становилось.

– Помилуй, Савелий, полдеревни здесь работает!

– Да что ты заладил со своей деревней, у вас и полсотни жителей не наберётся! И где, скажи на милость, все твои работники?

– Как где? – удивился Крамор, почёсывая щетинистую с сединами бороду. – Спят по домам, время-то ещё семи нету. Да и к тому же в них и надобности пока нет. Старушки все почили, Глафира – последняя – пятый день уж как преставились.

– Так скажи, – переходил на крик Савелий, – зачем содержать дом престарелых, в котором нет ни единого старика?!

– А стариков у нас отродясь не было, это же женский пансионат, как от закладки при Алексее Михайловиче было велено.

– Ты мне зубы не заговаривай! – уже не надевая картуза, верещал Савелий. – Постояльцев у вас нет!

– Так сколько стоит, и всякое бывало, – не сдавался Крамор, – а если появятся, что прикажете делать?

– Не появится больше никто! Всё! Закрываем сегодняш-

ним числом ваш пансионат.

– Быть того не может...

Крамор почувствовал себя колоском, сбитым неточеной косой. И, если бы не серо-зелёная стена позади, служившая ему надёжной опорой столько лет, он так и осел бы на поросшем низкими травами дворе. Осоловелыми глазами Крамор невольно продолжал искать спасения то в оплётённых сочными лозами тусклых окнах первого этажа, то на уставшем лице оставившего их благодетеля.

Савелий старался не смотреть ни на стоящего рядом в одном исподнем жалобного Крамора, ни на фасад старинного здания, недовольно нависавшего над ним. Последний всегда вызывал внутри него какой-то неестественный холодок тревоги.

Савелий никогда не пытался разузнать, но не переставал задаваться вопросом, кому в голову пришло построить в здешней глуши такой большой дом престарелых да ещё и сделать его исключительно женским.

Это было по-своему красивое трёхэтажное здание посреди живописного пейзажа, развернувшегося на берегу крохотного, но очень чистого озера. Оно и дало название близлежащей захолустной деревеньке, жители которой были чуть ли не единственными обитателями этого дома. Случалось, конечно, что сюда ссылали на старости лет какую-нибудь достопочтенную бабулю её не менее достопочтенные родственники. Но происходило такое даже реже, чем Савелий решался посетить это место по терзавшему его на протяжении всей службы поручению. Дело в том, что абсолютно нерентабельная громадина на отшибе района выкачивала из муниципального бюджета последние деньги.

Но то ли из-за личной симпатии к управдому Крамору, то ли из-за страха перед собственной одинокой старостью Савелий так и не решался закрыть дом престарелых. Хотя настоящей причиной его нерешительности могло быть как раз то самое холодящее изнутри чувство. Савелий предпочитал объяснять себе такие необычные ощущения недовольством по поводу странного внешнего вида фасада.

«Это же дом престарелых! – каждый раз возмущался он

про себя. —Здесь одни бабули, а они поналепили кругом молодые женские лица, да ещё и чёрте как: тут пара, там пять, над тем окном вообще пусто».

Это было правдой. Помимо узорчатой лепнины, бетонные стены главного входа украшали хаотично расположенные гипсовые лица девушек с распущенными волосами. Весной они скромно выглядывали из зелени выюнов, затянувших рельефный фасад своими цепкими стеблями, а после становились ещё прекраснее, словно расцветая вместе с сотнями лилово-розовых цветков, устилающих стены в разгар жаркого лета.

Иногда Савелию казалось, что год от года лиц становится больше, и тогда он успокаивал себя одними и теми же словами:

«Ты просто не заметил его в зарослях выюна... Я же сюда по делу приезжаю, а не рожицы на стенах считать... разве их все упомнишь...»

Но в этот раз, когда Савелий нечаянно усмотрел между двух окон второго этажа белоснежное, точно вчера вылепленное, милое женское личико, стандартный набор доводов не помог.

Внутри будто продуло холодным ветром. Савелий закусил от страха губу и медленно отвёл взгляд от пугающей находки. Он попытался во всех подробностях представить, как за очередную слабость ему устроят разнос и попрут с должности, и, доведя себя до иступлённого отчаяния, что есть мочи

закричал на потирающего покрасневшие глаза Крамора:

– Бери доски и чтоб сегодня же вход был заколочен!

Понимая, что решение уже не изменить, Крамор лишь удручѐнно заметил:

– Ох, не гоже это, Глафиру-то только надясь схоронили...

– А дом престарелых тут причѐм?! – потеряв всякое самообладание, визжал Савелий.

– Так душа её ещё не вышла, бродит здесь по родным комнатам, прощается...

– И за что мне всё это! – уходя, простонал ненавидевший суеверия Савелий.

Беспокойные сны

– Сначала я шла по такому широченному коридору, – Элен демонстративно раскинула в сторону руки, – нет, ещё шире, там спокойно бы разошлись человека четыре. И он такой светлый: ни одного окна, светильников я тоже никаких не помню, но светло, как сейчас на улице.

Иду я, в общем, по этому коридору и рассматриваю стены. Не знаю, чем они меня так привлекли, может, цветом, мне всегда голубой нравился. Где-то краска потрескалась, где-то совсем отвалилась, но ужасным это не выглядело, скорее напоминало большой неухоженный дом... или даже заброшенный... Да, точно! Казалось, что я в заброшенном доме. Там ещё пахло так странно, как у бабушки в сарае, опилками какими-то. И ещё землёй... Да-ааа... как в твоём огороде после дождя.

Так вот, вдруг я слышу: замаячила кошка. Но не как в прошлый раз. А протяжно, прямо с надрывом, так Полкан скулит, когда его бабушка с собой не берёт. И не понятно, откуда она кричит с улицы или где-то в доме. Тут я, как обычно, оказываюсь у двери. Она ещё старше, чем была: тёмная вся, щели между досками – хоть заглядывай, но мне почему-то не захотелось. Я только толкнула её со всей силы, а она даже не дёрнулась, будто гвоздями заколочена.

Кошка стала маякать ещё сильнее, крик был со всех сто-

рон, и я поняла: она просит, что бы я её нашла и выпустила на улицу.

Потом... я опять очутилась у двери, только эта была другая, совсем новая, даже не крашенная. От неё пахло деревом, и мне захотелось к ней прикоснуться. И, как только я дотронулась, дверь тут же открылась.

В комнате никого не было, но зато было очень чисто и уютно. Справа стояли застеленная кровать и тумбочка со стулом, слева – здоровенный, прям до самого потолка, шкаф и столик с резными ножками, похожий на те, что наш дедушка делает. И всё такое чистое, что аж блестит... будто только вымыли, и вода ещё не успела высохнуть. Напротив меня было большое окно, размером почти во всю стену. Мне захотелось посмотреть в него.

На улице я увидела какие-то деревья и красивое озеро. Вода там была синяя-синяя! И она светилась на солнце. Я решила в нём искупаться, но тут снова закричала кошка. Она промяучила: «Выпусти меня!».

Стало так страшно, я побежала по коридору и начала заглядывать в другие комнаты. Какие-то двери не открывались, за другими всё было в паутине или так темно, что ничего не разобрать. Я никого не могла найти, а голос продолжал просить меня о помощи.

Потом... кажется, я спустилась по какой-то лестнице на первый этаж. Там был такой беспорядок: двери нараспашку, в проходе поломанная мебель, и всё такое пыльное или даже

грязное. Стало очень неудобно.

Голос ещё пару раз прокричал, но теперь издалека, точно откуда-нибудь с улицы и затих. Я осталась среди пустых комнат совсем одна и испугалась. Не знаю, чего именно я боялась, но мне хотелось поскорее выйти из этого дома. Наверное, переживала, что не смогу оттуда выбраться.

Я стала заглядывать в каждую комнату, в одной из них окно было разбито и заставлено какой-то дощечкой. У меня получилось её вынуть, и я вылезла на улицу.

Я обрадовалась и побежала по высокой траве, но потом решила оглянуться и увидела большой трёхэтажный дом. Он весь был в красивых сиреневых цветочках, из которых на меня смотрели скульптуры женщин. Такие прекрасные, что я забыла обо всём и уже хотела подойти поближе, чтобы лучше их рассмотреть.

Но тут снова закричала кошка. От неожиданности я попятилась назад, оступилась и упала. А когда открыла глаза, поняла, что свалилась с кровати, запутавшись в одеяле.

Весь рассказ бабушка не переставала улыбаться и живо реагировать на все происшествия, приключившиеся во сне с внучкой, хоть большую их часть она уже и слышала на протяжении последней пары дней. В финале истории она и вовсе от души рассмеялась, что отразилось на лице Эллен нескрываемым детским недовольством. Девочка не находила ничего смешного в своих ночных приключениях, целыми днями она переживала и прокручивала в голове эти странные сны, на что бабушка упорно твердила про детское воображение, разыгравшееся на свежем деревенском воздухе.

Однако на этот раз, внимательно выслушав новые подробности, бабушка, неожиданно сказала:

– Чудно! Это же дом престарелых, что в соседнем Озёрном стоит. Его закрыли намедни, начальник какой-то с города приезжал – велел двери заколачивать. Тётя Нина вот теперь совсем без работы осталась...

– Бабушка, а может там кто остался? – оживилась Эллен. – Вдруг там кого-нибудь забыли?

– Да что ты Эляш! Там же одна баба Глаша последние деньки доживала. Так на той неделе и преставилась. Не бери в голову, каких только глупостей людям не снится.

Но Эллен не собиралась упускать единственный шанс разгадать тайну своих сновидений.

– А можно туда сходить, посмотреть, во сне там было красиво.

– Бери деда, пусть чинит свой лисопед, и поезжайте с ним завтра, а то идти туда не близко свет.

– Очень далеко?

– Пешком около часу идти, сначала через Красивое до дороги, по которой ты с дому приезжаешь, а там за холмом по тропинке как раз к Озерному и выходишь.

– Ох, – наигранно вздохнула Эллен, – далековато выходит, да ещё и в гору подниматься. Нет, пойду лучше завтра с Глебом землянику собирать.

– Поди поспела?

– Ребята вчера уже приносили! Кислая немного, но вкусная.

– Ну и славно, витаминчиков хоть наешься, только молочка с собой возьми, я под навесом оставлю, а то голодная убежишь как всегда.

– Хорошо, бабушка, – согласилась Эллен.

Сейчас любая мелочь могла помешать её планам, потому она решила быть как можно более послушной и не привлекать к себе лишнего внимания, дожидаясь следующего дня.

Странная встреча

Вчера у Эллен ещё оставались сомнения идти или нет, да ещё и одной. Но сегодня, когда хорошо знакомый сон заставил её проснуться в семь утра, она поняла: это знак, прямое указание действовать.

Пока Эллен проходила мимо просыпающихся домов соседних деревень, она пыталась припомнить все детали наводнивших её в эти каникулы сновидений. Всё это казалось ей каким-то магическим, и именно это ощущение происходящих с ней мистических событий привлекало её больше всего.

Попутно Эллен пыталась свыкнуться с новой для себя ролью обманщицы.

Раньше она никогда не врала своим деревенским родственникам, не было ни причин, ни желания. Но в этот раз она солгала преднамеренно, почти не колеблясь.

Эллен успокаивала себя: «А что мне оставалось делать, бабушка так далеко идти со мной не смогла бы, вот она и предложила отправиться с дедушкой. Но разве можно с ним туда идти?! Он же не переносит кошек! А во сне мне ясно дали понять, что мне нужно выпустить запертую в доме кошку, а дед, хоть и добрый, был бы не прочь её там оставить. Сказал бы: "А что крыша над головой есть, мышей поди полно, да и вообще это же кошка – надо будет, сама вылезет". Раз-

ве объяснишь ему, что она сама меня об этом человеческим голосом просит?!».

Так, почти не заметив длинной дороги, Эллен добралась до Озёрного. Солнце поднималось всё выше над головой и уже хорошенько припекало темноволосую голову, поэтому, когда повеяло водной прохладой, Эллен сразу поняла: «Я на месте».

Озёрное представляло собой десяток ссутулившихся бревенчатых домов, как попало разбросанных по небольшим сочно-зелёным холмам. По внешнему виду этих несчастных зданий было сложно судить: обитаемы ли они или люди давно покинули их и переселились в более крупные посёлки и города.

Первая же возвышенность открыла Эллен прекрасный вид стоящего поодаль от других домов трёхэтажного исполина в сиреневых цветах, и девочка, позабыв себя от восторга, устремилась вниз по высокой траве навстречу воплотившимся снам.

Жгучие стебли диких трав кололи ноги и скрывали в себе невидимые глазу кочки и рытвины, поэтому Эллен пришлось остановиться. Она осмотрелась ещё раз и продолжила путь к заветному дому уже по протоптанной кем-то тропинке, которая тянулась от одной из неуклюжих избушек, наблюдавших за девочкой с высоты своего холма.

Дорога оказалась гораздо длиннее, чем думала Эллен, и, когда её встретили лилово-розовые платья из сотен цветов,

которые струились от прекрасных женских лиц, украшавших собой фасад таинственного здания, восхищение, наполнявшее карие глаза, уступило место усталости, сковавшей тоненькие ножки. Эллен присела на брошенные в траве доски и попыталась отдышаться, но тут же наткнулась взглядом на притаившегося напротив крупного рыжего кота, который недовольно смотрел на неё из травы своими дикими ярко-жёлтыми глазами.

Ей стало как-то не по себе, а он продолжал злобно смотреть на неё. Эллен отвернулась, делая вид, что совсем не обращает на него внимания. Тогда кот презрительно зашипел и вскочил на широкую тропинку, разделявшую их. Он весь ощетинился, выгнул спину рыжей дугой и угрожающе распушил свой полосатый хвост. Страшно и красиво одновременно.

Кот злобно замыкал. Словно в ответ, со стороны дома раздалось слабое жалобное «Мяу-уууу».

Эллен тут же бросилась к дому, точно только что вспомнила, зачем она сюда пришла.

Главный вход был наглухо заколочен массивными досками, так что открыть его не было никакого шанса. В одном из окон первого этажа устало скреблась худая пятнистая кошка. Когда Эллен подошла к окну, пленница тихо замурчала.

«Чем бы разбить окно? – думала девочка. – Выглядит оно очень крепким».

И тут Эллен вспомнила, как в своих снах выбиралась на

улицу через разбитое окно, заставленное податливой дёрвяшкой.

Не составило труда найти среди высоких пыльных окон первого этажа одно единственное закрытое фанерой, только держалась она крепче, чем во сне. Пришлось отогнуть несколько гвоздей и поцарапать пальцы. Но Эллен всё же справилась и теперь гордо стояла, рассматривая через разбитое стекло простенький интерьер залитой солнечным светом пыльной комнаты – всё было точно как во сне, и это казалось девочке пугающе невозможным. Мгновенье спустя в приоткрытую дверь вбежала та самая кошка, одним махом она добралась до окна и выскочила на улицу, слегка коснувшись хвостом ног своей спасительницы.

Эллен обернулась и увидела, как встретились наконец-то две любящих души и теперь идут бок о бок по пыльной тропинке, мурлыкая от радости.

Счастливая Эллен улыбалась и не спеша шла за ними. Она решила ещё раз посмотреть на красоту теперь окончательно оставленного всеми дома и, пойдя на поводу у своего хорошего настроения, пошла спиной вперёд, рассматривая изящные шеи скульптур и причудливые переплетения цветущих выюнков. Эллен только на секунду прикрыла глаза от ослепительного солнца, незаметно выглянувшего из-за белоснежных облаков, и тут же оступилась и, потеряв равновесие, больно упала на локоть.

Утирая слёзы и рассматривая ссадину, она почувствовала,

как что-то теплое и пушистое уткнулось ей в бок и громко замурчало. Она засмеялась и, забыв обо всём, принялась гладить растянувшегося перед ней на спинке благодарного рыжего кота.

На прощанье кот ткнулся пару раз своим влажным холодным носом в её ладони и отправился догонять неспешно идущую по тропинке кошку.

Счастливая Эллен поднялась с земли, отряхнув, как могла, испачканный в пыли сарафан, и, улыбаясь, стала на ходу размышлять, рассказать ли обо всём, приключившемся с нею, бабушке.